

Гай Юлий Орловский

Риц@рд

Длинные Руки —
герцог

Полцарства
за корону!

Ричард Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – герцог

«ЭКСМО»

2010

Орловский Г.

Ричард Длинные Руки – герцог / Г. Орловский — «Эксмо»,
2010 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-44060-3

Запоздало, очень запоздало сообразив, что высокие титулы дают вольностей мало, а забот много, Ричард пытается затормозить и как-то справиться с тем, что уже нахал. Но остановиться в разбеге сразу трудно. Судьба заставляет принять и корону герцога. Начинается самое страшное испытание в его жизни. Впервые жизнь человечества повисает на остром лезвии его длинного меча!

ISBN 978-5-699-44060-3

© Орловский Г., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	50
Глава 10	55
Глава 11	61
Глава 12	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – герцог

*На небесах более радости об одном грешнике кающемся, нежели о
девятиности девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии.
Евангелие от Луки*

Часть I

Глава 1

Тонкий узор из зеленых листьев стал прозрачно-красным. Я поднял тяжелые веки, несколько мгновений смотрел тупо и непонимающе, чего это утро прибежало так рано. Воздух уже резкий, свежий, с привкусом спелых ягод и оливкового масла. Поежиться и даже почесать нос не получится: правое плечо прижато головой спящей Боудеррии, рукой воительница цепко ухватила меня поперек туловища, а еще и ногой придавила, угнетательница.

Я долго и старательно отвоевывал свободу, выползая из-под нее, как червячок из-под камешка. Спит богатырски, молодец, точно не политик, хотя завтрашний день вообще-то уже настал.

Оставив ее похрапывать под защитой могучей оливы и опустившихся до самой земли роскошных ветвей, осторожно раздвинул стены этого зеленого шатра.

Аромат созревших ягод стал сильнее и более дразнящим. В трех шагах на покрытом крупными каплями росы камне скрючился нахохлившийся и наверняка озябший за ночь Торкилстон.

Я замедлил шаг и тихонько кашлянул. Он вздрогнул, ухватился за меч и резко повернул голову.

– Доброе утро, – сказал я бодро. – Как бдилось?

Он молча взглянул не то с осуждением, не то с завистью. Зато Ордоньес, что разводит костер ближе к ручью, улыбается во весь рот, глаза довольные, словно это сам вот так, и не объяснишь, что такое у меня редко, да и то больше по политически мотивированным... э... мотивам.

– А вы свеженький, ваша светлость, – заметил он с некоторым изумлением. – Неужто в самом деле спали?

– В самом, – подтвердил я. – Вчера так набегались, сам знаешь, что ну прямо как брат и сестра, обнялись и заснули.

– Она еще спит?

– Да, – подтвердил я. – Ухайдакалась больше нас.

– Поздравляю, – воскликнул он. – Я думал, такого огра ничем не ухайдакать!.. Ладно-ладно, я тут кое-что из вчерашнего разогрел...

Я отмахнулся.

– В такой день и вчерашнее? Оставь лесным зверушкам.

– Да в походе ж не перебирают...

– А у нас праздник, – ответил я бодро.

Он запнулся и смотрел, как я творю сочные бифштексы, копчености, тушеное, печеное и запеченное, вырезку, стейк, карбонад, ветчину, буженину, корейку, кровяные колбаски, крабовое мясо, икру, бекон, а потом перешел на всякие десертности...

– Ваша светлость, – взмолился он, – хватит! Я слюной захлебнусь. Верю, что у вас ночью силы не ubyло, у вас все не как у людёв... Нас же здесь всего восьмеро, считая и побежденных.

– Проигравших, – мягко поправил я.

– Так мягко?

Я кивнул.

– Все кончилось, Ордоньес. Сейчас даже проигравших нет.

– А что, им просто не та карта легла?

– Именно. Все недоразумения забыты, понял?

Он сказал с широкой улыбкой:

– Вообще-то мне всегда нравилось после драки потом вместе посидеть в таверне...

– Вот-вот, – сказал я. – Нам сообща строить прозрачное и абсолютно не коррумпированное общество! Какие могут быть счеты? В общем, зови этих будущих строителей к завтраку.

– Строителей, – повторил он задумчиво. – А они об этом знают?

– Не стоит пугать раньше времени, – предупредил я. – Надо мягко сперва, мягко.

Шагах в двадцати от нас красиво, мощно и с сухим треском полыхает картинно-красочный оранжевый костер с прыгающими по всей короне багровыми языками. Разожжен прямо на голых камнях, ни прутика хвороста, молодец Дрескер, то ли сохранил крохи сил, то ли уже восстанавливается...

Вильярд, обнаженный до пояса, расположился, как на коне, на поваленном дереве. В сильных руках трещит и противно скрежещет помятая кираса. Рядом с ее верным рыцарем прямо на земле сидит принцесса Алонсия, к моему изумлению, штопает, хоть и неумело, изорванную мужскую рубашку.

Я уважительно покачал головой: под толстыми пальцами героя кираса приобретает почти прежний вид, словно Вильярд продавливая пластилин, а не толстую стальную пластину.

Гном роется в мешке, старик спит сидя, прислонившись к большому пню, такому же трухлявому, как и он, шляпу надвинул на глаза, доносится похрапывание.

– Всем доброе утро! – сказал я жизнерадостно.

На меня посмотрели угрюмо и с неприкрытой злостью. Вильярд все же встал и отвесил учтивый поклон, благородное воспитание обязывает, а гном пробасил, не отрывая задницы от земли:

– Где Боудеррия?

– Зарезал и закопал под деревом, – сообщил я.

Алонсия поморщилась, мужские шуточки бывают грубоваты, а Вильярд пояснил, смягчая слова рыжебородого соратника:

– Мы собираемся сейчас... выступить.

– Как только подойдет Боудеррия, – уточнила принцесса.

Она все еще посматривала на меня со странным выражением, словно старалась понять, насколько же я глубоко страдаю от ее поступка, если даже принял утешение от ее телохранительницы. У гнома по его широкой морде ничего не поймешь, к тому же вся в бороде, только глаза и нос, маг все так же спит, раскрыв рот и чуть ли не роняя слюни.

– Выступить? – переспросил я. – Сейчас?

– Да, – ответил Вильярд за всех, в голосе прозвучала настороженность. – Если вы не против...

– Куда? – напомнил я. – Давайте позавтракаем вместе, затем все решим. До завтрака мысли какие-то суматошные, неупорядоченные и даже злые... Скачут, скачут. Сэр Торкилстон, помогите нашему адмиралу накрыть на стол!

Вильярд из-за потери Камня Мощи почернел лицом, но держится сдержанно, со мной холодно учтив, лишь пару раз в его взгляде промелькнуло безмерное удивление. Сам рыцарь,

но от меня рыцарства почему-то не ждал, теперь нижняя челюсть постоянно отвисает, даже принцесса это заметила и недовольно хмурится.

Дрескер так измотался, что проснуться не может, гном держится в сторонке, мне доверять не торопится. Хуже всего Боудеррии, если уже проснулась, то сейчас явно думает, как объяснить соратникам свое поведение, похожее на предательство. Лишь принцесса цветет, ждет не дождется, когда меня черти унесут, чтобы жить и чирикать...

На десерт я насоздавал великое множество разнообразнейших конфет, деликатнейшего печенья, затем, расхрабрившись, напрягся, сосредоточился и... получилось!.. в руке холодит пальцы тонкая ножка настоящей хрустальной вазочки, которую сотни раз держал раньше, но только сейчас сумел воссоздать, а в ней порция изысканнейшего сливочного мороженого с шоколадом и орешками.

– Принцесса, – сказал я галантно, – это вам.

Она взяла достаточно уверенно, хотя и с неподвижным лицом, – страшится опозориться, как можно перед Вильярдом, – произнесла светски ровным голосом:

– Благодарю вас... сэр Ричард. Вы необычайно любезны.

Вильярд и гном наблюдали с каменными лицами, но, как мне показалось, были польщены. По всем правилам стол накрывать должна проигравшая сторона, но мы постоянно подчеркиваем, что основной подвиг совершили они, прорубившись сквозь неисчислимые полчища нежити и прочей гадости, а мы прошли, как хитрые лисички, следом.

Гном растолкал Дрескера, тот немедленно ожил, завидев незнакомые яства, даже выхватил у него буквально изо рта шоколадку, но не сожрал, а нюхал, лизал, смотрел через нее под углом на солнце, скреб ногтем.

Гном проворчал что-то нелестное в адрес высоколобых, вызвав одобрительные улыбки у всех, особенно у Ордоньеса и Торкилстона.

Лицо чародея покраснелось, он разрывался от желания все исследовать, поприставать ко мне с расспросами, но Вильярд бросает грозные взгляды, а гном посмотрел на мага и с нехорошей улыбочкой погладил рукоять исполинского топора.

Я хотел создать мороженого еще и еще, да чтоб все именно в хрустальных вазочках, нас много, но убоюлся, вдруг да это была просто удача, нам тоже не стоит позориться перед... пусть не противниками, но пока еще и не соратниками.

– Да пустяки, – ответил я запоздало, – уверен, ваше высочество, ваш великий маг сделал бы больше и лучше, но его ведут по жизни более высокие и благородные устремления, чем вот такие... чревоугодныя. Но я всего лишь герцог, а не устремленный к свершениям познаватель и вызыватель, в чем с прискорбием и сознаюсь. А также что весьма и зело завидую.

Дрескер кивал, очень довольный, заговорил старческим, но сильным голосом:

– Вы мудрый юноша и уже видите в жизни настоящие ценности. Уверяю вас, с возрастом не только станете больше ценить высокое, но и сами отринете то, чем так увлечены сейчас.

Ветви нашей могучей оливы раздвинулись, Боудеррия появилась во всем блеске женской силы. Слово догадавшись, на что намекает маг, бросила в его сторону недобрый взгляд и пошла к нам, гордо вскинув голову и красиво ставя ноги, как цирковая лошадь на манеже.

Алонсия радостно вскрикнула:

– Боудеррия!.. Я так за тебя волновалась!

Боудеррия бросила на меня косой взгляд.

– Да вот он камнем по голове... только сейчас очнулась.

– Да? – удивилась Алонсия. – Как хорошо!.. А то нам он сказал, что вообще зарезал.

Гном пробасил:

– И даже закопал.

Он подвинулся, Боудеррия села между ним и принцессой. На меня не смотрит, как будто между нами произошло нечто, хотя ничего же не было, хорошо помню: поболтали, обсудили всякие мелочи, повязались, потом заснули без всякого интима.

Маг передал ей кусок буженины, Боудеррия взяла, не глядя.

Вильярд посмотрел на меня исподлобья, перевел дыхание, я чувствовал, что ему нелегко сказать такое, и уже раскрыл рот, чтобы помочь, но он сказал ровным голосом:

– Вчера вы сделали нам заманчивое предложение...

– Рад, – ответил я вежливо, – что вам понравилось.

Он сказал хмуро:

– Но как его исполнить?.. Нам нельзя возвращаться прежним путем. И я, и принцесса слишком заметны.

Я поклонился.

– Слишком – это сказано мягко. Вы чересчур великолепны!

Он чуть нахмурился, не принимая комплимента.

– Нас схватят... а я не могу оказывать неповиновения. Херлуф Сильвервуд – мой король!

Маг пробормотал:

– Сэр Вильярд прав. Если пробираться в его имение, придется ехать через всю страну.

Алонсия сказала жалобно:

– Эх, если бы мы догадались оставить дома Камни Возвращения...

– Что еще за камни? – спросил я.

Дрескер посмотрел с чувством превосходства.

– Даже не слышали? Удивительно, где такие дикие люди живут.

Ордоньес сказал с суровым предостережением:

– Старик, не хама. Яшмовый Камень у нас, так что дикие теперь вы.

Дрескер тяжело вздохнул.

– Есть такие парные камни, – начал объяснять он угасшим голосом, – как сросшиеся фасолины. Очень редкие, оставшиеся от древних народов, и очень дорогие. Ими старается запастись каждый, кому в опасное и далекое путешествие. Конечно, мало кому удастся.

– Мало кому удастся в опасное и далекое?.. – переспросил Ордоньес и довольно хохотнул. – Пусть идут к нам! Обеспечим.

– Нет, – поправил маг, – заполучить такие камни. Если половинку оставить у себя дома, а вторую взять, то полдела сделано!

Я промолчал, начиная догадываться, Торкилстон же поинтересовался с любопытством:

– Это как?

– Когда очень уж прижмет, – объяснил Дрескер, – можно моментально вернуться. Неважно, сколько между камнями миль! Правда, камень сразу в пар, потому за такое хватаются в самом крайнем случае. Но и слишком затягивать нельзя. Если в опасности и точно не справишься, надо сразу.

– Почему? – спросил я. – А если хорошо отбиваться?

Дрескер покачал головой.

– Перенос требует полной концентрации. Нельзя даже моргать, не то что махать мечом...

Ордоньес заметил мирно:

– Говорят, ты к этой дороге готовился долго...

– Правильно говорят, – ответил Дрескер гордо. – Я двенадцать лет планировал поход в это место.

– Значит, камни у вас есть?

Он пожал худыми плечами.

– Не у всех. Я столько собрать не сумел... Себе, конечно, оставил. Увы, возвращаться нельзя даже мне. Там наверняка уже ждут люди Его Величества. Другое дело, был бы у нас

Камень Яшмовой Молнии... Король не решился бы. А так... Не смотрите на меня волчьими глазками. Вам эти камни не помогут. Переносят только тех, кто лично разделил пополам и оставил где-то половинку.

Ордоньес сказал почти с сочувствием:

– Двенадцать лет подготовки? Все как по маслу... и в самом конце такой облом! Звезды не подсказали, что появятся ну прям орлы? Правда всегда побеждает, не слышали? Ибо то, что побеждает, всегда оказывается правдой. Ладно, за то, что к Камню дорогу расчистили, я вас отвезу с почестями и комфортом. Принцессе свою каюту уступлю.

Боудеррия фыркнула:

– На пару часов?.. Какой самоотверженный.

– Молчи, горилла, – ответил Ордоньес. – Сюда плыли сутки. Осторожничали. Обратное, конечно, пойдет быстрее.

Я слушал внимательно, в голове тысячи вариантов, один гениальнее другого, но вслух не скажешь – дураком назовут.

– А если, – сказал я медленно, – не возвращаться?

На меня уставились с подозрением.

– А что? Поселиться здесь?

– Отсюда к Краю уже недалеко, – сообщил я. – А там внизу в скрытой туманом пропасти не бездна и не ад, как думали здесь раньше, а королевство Сен-Мари. Если найти способ слезть... Ну там на веревках... Или виноградные лозы сплести. Спартак спустил целое войско с Везувия, а вы чем не Спартаки! Боудеррия вот точно Спартак. Даже полтора Спартака.

Боудеррия проворчала:

– Поговори, поговори у меня.

Дрескер вздохнул.

– Виноградные на Краю не растут. Голая скала, все мертвое и выжженное. Потому в той части даже травы нет. А нет травы...

– Нет даже кузнечиков, – согласился Ордоньес.

Он призадумался, я знаком велел ему и Торкилстону молчать, колдун уже проглотил крючок, задача поставлена интересная, наверняка есть решение... а то и не одно... и в самом деле Дрескер долго хмурился, морщил лоб, вздыхал и побряхтывал, наконец сказал неуверенно:

– Мне силы восстанавливать несколько недель... А запасы волшебных снадобий так и вовсе годы. Но есть заклятие Сухого Листа, я его никогда не пользовал...

Вильярд спросил быстро:

– Что дает?

– Будете падать, – сказал Дрескер, – подобно сухому листу с дерева. Покружит, повертит, но не разобьетесь. Голова разве что закружится... Ну, проблеваться еще придется... может быть.

Он замолчал, но заметно оживился, решая новую задачу. Исследователь и экспериментатор, черти бы его взяли, снова интерес к жизни бьет ключом, есть на ком попробовать, как это работает, да еще с такой высоты...

Принцесса зябко передернула плечами, худые щеки стали мертвенного цвета.

– Это что же, – проговорила она жалобно, – надо прыгать в пропасть?

– Ага, – сказал Ордоньес со злорадным сочувствием, – с разбега!..

Она вскрикнула:

– Почему?

– Заклятия может не хватить, – объяснил Ордоньес с видом все знающего и по-гильгамешьи все выдавшего. – Надо долететь... в смысле допадать или пропадать без всякого заклятия хотя бы до половины пути. Так надежнее. Когда до дна останется каких-нибудь сотня ярдов, этот старый пень произнесет нужное заклинание. Если не собьется и не начнет сначала. И

заклятие сработает! Скорее всего сработает, мы в него верим, хоть он не нашей команды. Я, со своей стороны, обязуюсь не отвлекать ничем более интересным. А то пожилые люди могут и забыть, чем занимаются.

Она вскрикнула и жалобно посмотрела на Дрескера. Тот нахмурился, покачал головой.

– Ну, я не сказал бы, что заклятия не хватит. Должно хватить. Другое дело... гм... сработает ли. Я еще не пробовал.

Торкилстон сказал мудро:

– Тогда надо сперва бросить в пропасть кошку. Если пойдет, как сухой лист, – хорошо, если камнем... кошек не жалко.

Дрескер буркнул:

– Замечательно. Только кто будет кошкой? Хотите, вас превращу?

Торкилстон отпрыгнул из положения сидя, злой и взъерошенный, схватился за рукоять меча.

– Но-но, что за шутки?

Дрескер пробормотал:

– Я полагал, вы отважнее.

– Просто не хочу быть кошкой для вас, – отрезал Торкилстон. – Другое дело для сэра Ричарда! Он мой сюзерен...

Я покачал головой.

– Насчет себя у меня... еще не решено. А вот вам точно спуститься надо.

Гном помалкивал, но чаще других прикладывался к бурдюку, на меня поглядывал настоженно и с неприязнью из-под косматых бровей. Я еще вчера поднатужился и сотворил самое лучшее вино, какое только пробовал в жизни, спасибо моей нынешней идеальной памяти, теперь этот здоровяк пьет в запас, понимая, что больше такого не попробует.

Алонсия расхрабрилась, все больше налегала на десерты, их целые россыпи из нежнейшего воздушного печенья, всевозможные суфле и прочие вкусности, совала Боудеррии мороженое и горячим шепотом уговаривала попробовать это и вот это, а потом еще и это...

Глаза у нее восторженные и чуточку виноватые: столько съела, а как будто еще ничего во рту не было, стыдно девушке благородного происхождения есть, как простолюдинка, но эти пирожные такие воздушнейшие, невесомые, изысканные, дразнящие...

Вильярд завтракал без спешки, с достоинством, абсолютно не делая различий между бифштексами, ветчиной, бужениной или колбасками. Мужчины не перебирают, питание у него, как я заметил, самое что ни есть сбалансированное: в одной руке бекон, в другой – вырезка, даже сочные сыры небрежно игнорировал. На скатерти еще вдоволь мяса, что требовать еще?

От вина не отказался даже Дрескер, Боудеррия осушила два кубка и уговорила принцессу сделать хотя бы глоток. Обе с великим удивлением рассматривали хрустальную вазочку, она поразила больше самого мороженого, еще какой диковинки...

Глава 2

Вильярд после завтрака сразу же принялся собирать дорожный мешок – совсем не моего типа жоак, я даже такое увлекательное занятие спихнул бы на гнома и Боудеррию, а то и Дрескера.

Принцесса, не удержавшись, вылизала остатки мороженого из вазочки, смущенная и раскрасневшаяся, зато Боудеррия держится по-королевски, наблюдает за ней снисходительно, как за малым дитем, в мою сторону вовсе не смотрит, ресницы все время чуть приспущены, а они у нее такие же длинные и густые, как и у Алонсии.

Дрескер сказал со вздохом:

– Мне обязательно надо побывать в вашем Сен-Мари! Столько там дивных вещей, оказывается...

Боудеррия поднялась с грациозностью, достойной королевской дочери, наконец вперила в меня старательно ничего не выражающий взгляд.

– Мы с принцессой в рошу. За нами не ходить.

Вильярд сказал обеспокоенно:

– Зачем? Вдруг там еще опасно...

Она покачала головой.

– Даже ночью было тихо. Мы только в Сумрачный Грот. Надо смыть кровь и слюни. Я даже не помню, с кем и дрались за последние дни.

Вильярд лишь поднял бровь на такое странное желание, гном фыркнул, настоящие мужчины моются, лишь попадая под дождь, а я подумал с сочувствием, что бедной принцессе вчера было не до купаний, а ночью отсыпалась мертвым сном. Я же помылся, можно сказать, пока доставал спрятанный за стеной падающей воды Камень Яшмовой Молнии.

Торкилстон и Ордоньес наконец-то расправились с последними кусками сыра, довольно отрываясь, ничего не оставили, все подмели, молодцы, сыто переглянулись и с кряхтением пошли собирать мешки. Оба деликатно стараются держаться в сторонке и как бы в тени. Победой кичиться неблагородно, хоть и очень хочется, особенно трудно сдерживаться Ордоньесу, единственному среди нас неблагородного сословия.

Он весело поглядывал на меня, всего распирало от гордости, но первым подошел Торкилстон, огляделся по сторонам и сказал, понизив голос:

– Сэр Ричард, все собрано, мы готовы в обратный путь. Или куда скажете.

– Да, – согласился я, – и чем скорее, тем лучше. Мы все трое оставили свои дела «на минутку», чтобы удовлетворить любопытство. Пора обратно и как можно скорее.

Ордоньес услышал, подошел живо, рот до ушей, глаза блестят, как у кота, уворовавшего крупную рыбу.

– Вообще-то, – сказал он бодро, – это вы оставили на минутку, чтобы удовлетворить ваше любопытство! А я пошел за вами из другого любопытства.

– Какого? – спросил я.

Он ухмыльнулся.

– Я же говорил, вас брось в воду связанным, вынырнете со щукой в зубах! Хотел посмотреть, что за щуку ухватите.

– И как? – спросил я недовольно.

Он широко улыбнулся.

– Получить герцогство, а здесь еще и этот волшебный Камень! Это две огромные щуки.

Я поморщился.

– Дорогой друг, когда-то и мне казалось, что хапать титулы и владения – это счастье. Я тогда еще не знал, что это в первую очередь принимать на себя обязанности, а на свою задницу

неприятности. Герцогством управлять надо, а я такой орел, что собой управлять не научился. Большой щукой и подавиться – раз плюнуть.

Он сказал бодро:

– Не подавимся! Ладно, я пошел утаптывать вещички. Мне вообще-то хуже всего. Корабль у берегов Вестготии, а мне предлагают спуститься в Сен-Мари!.. Да еще каким-то сухим листом! Уже мурашки по коже, видите, какие крупные? Как жуки. Вот мои ахнут, когда приплыву за ними на «Морском Всаднике»!

– Так ближе, – напомнил Торкилстон.

Ордоньес отмахнулся.

– Знаю, но все равно... Тот старый пень уверяет, что пойдет с нами. Дескать, безопасно. Я почему-то не очень верю. В его возрасте жизнь не так уж и дорога. Правда, с другой стороны, это ж он расчищал дорогу сюда...

– Силен, – вздохнул Торкилстон.

– Силен, – согласился Ордоньес.

Он пошел к нашим мешкам, Торкилстон посмотрел ему вслед и сказал, еще больше понизив голос:

– Сэр Ричард... Вы как-то жаловались, нахапали всего и везде... не от жадности своей природной, конечно же, вы же сама святость, а от... гм... не то запасливости, не то бережливости, у вас же одни достоинства, как же иначе. Но теперь, мол, спина трещит и задние ноги подламываются.

– Ну? – спросил я настороженно.

– А что теперь с герцогством Хорнельдона? – спросил он.

Я стиснул челюсти. Приняв присягу лордов – это был единственный разумный шаг, даже сейчас так считаю, иначе там бы все пошло вразнос, волчья стая без вожака не может, начнут рвать друг другу глотки сразу же, но, Господи, а о себе подумал? Спешно спасал ситуацию, импровизировал, но интуитивно нашел то единственное, что местные лорды поняли и приняли. И даже король понял и принял, так что герцогство в самом деле мое, мое, мое. А что не в Сен-Мари, а в соседнем королевстве, так это обычная ситуация. Границы королевств колышутся, как псевдоподии амёбы, то вытягиваются, то втягиваются в самое нутро, так сказать. Все зависит от лордов пограничных владений, которые присягают то одному королю, то другому.

Да, ко всему прочему, я еще и герцог, хотя это не отменяет того же маркграфства. У многих властителей титулы такие длинные, что, когда входят в тронный зал и торжественно шествуют к своему месту, титулы тащатся за ними, звякая и скрежеща, как высохшие позвонки допотопных ящеров.

Я буду даже не в первом десятке, всего лишь гауграф в Турнедо, обычное хозяйство с замком в Амальфи, маркграфство в Сен-Мари, а теперь еще вот здесь герцогство. Все остальное: бургграф, пфальцграф, коннетабль, даже майордом – всего лишь должности, а не титулы. До настоящих рекордсменов мне далеко. У Потемкина, к примеру, перечисление титулов занимало две страницы...

Хотя, да, герцог – это вершина из того, что я нахапал. Когда-то визжал бы от счастья и ходил на ушах, подумать только – герцог, но сейчас на уме только железная дорога и могучий океанский флот. Торкилстон прав, в данный исторический момент герцогство не совсем то, что мне надо. И спина в самом деле хряснет, как раковина улитки под рыцарским сапогом.

Он продолжал смотреть серьезно и с ожиданием, я пробормотал, отводя взгляд:

– Раз уж не смог увернуться... то придется.

– Брать?

– Уже взял, – напомнил я. – Теперь с этим взятым что-то делать надо. Это не купленная на базаре шапка, обратно не сунешь.

Он вздохнул.

– Хорошо, я тоже пойду утаптывать мешок.

Даже Дрескер, как все наши мужчины, старательно собирается в путь, только гном после плотного завтрака занялся одним из дел, что так любят мужчины: вытащил из мешка оселок и любовно водит им с жутким скрипом по лезвию топора, видимо, решил побриться.

Я поглядывал на него с интересом, гном хорош, хотя вообще-то это дварф. С понятием гнома у нас связано нечто мелкое, а этот хоть макушкой мне до пояса, но так же широк, костист, могуч, голова сидит прямо на плечах. Рыжая борода закрывает половину груди, а толстые мускулистые руки заканчиваются ладонями с лопаты размером.

Ввиду окончания боевых действий он снял рогатый шлем, кирасу и даже кольчугу, оставшись в безрукавной вязаной майке, выпуклые мышцы прорисовываются очень даже отчетливо.

Он перехватил мой взгляд, буркнул злобно:

– Ну? И что не нравится?

– Наоборот, – сказал я искренне. – Люблю крепких людей. Говорят, гномы эльфов сносят с одного удара?

Он сразу же довольно ухмыльнулся.

– С одного? С полудара!.. Совсем хилый народ... Что муху прибить, что эльфа.

– А ты куда отсюда? – спросил я. – С Вильярдом?

Он покачал головой.

– Вообще-то меня маг года три уламывал, золотые горы обещал. Наш народ поблизости, мы горный народ. Туда и вернусь.

– Еще увидимся, – пообещал я.

Он сразу насторожился.

– С какой стати?

– Я теперь здешний герцог, – объяснил я. – Человек широких взглядов. На что взгляну – то и хапаю. Сейчас, к примеру, моей светлости требуется много железной руды. И, конечно, стали хорошего качества. Людишки не смогут делать так замечательно, как умеете вы, настоящие горно-литейные мастера. Орлы подземных нор! Так что поручу вам, а людишек pošлю к вам на учебу. За хорошую плату, конечно. Платить буду из казны, не жалко.

Он потеплел, комплименты и слона на скаку остановят, но проворчал:

– Да как их обучишь? Тут понятие иметь надо.

– Будем вести отбор, – пообещал я. – Брать в ученики только понятливых. Дураков гнать в музыканты, певцы и прочие эльфы.

Ордоньес подошел, осторожно присматриваясь к гному и прислушиваясь. Брови поползли вверх.

– Ваша светлость, – сказал он, – вы и здесь начнете хозяйственные реформы?.. Ох, бедные гномы...

Гном проворчал:

– Почему бедные?

Я улыбнулся, отошел в сторону, а Ордоньес начал со вкусом рассказывать про мое успешное реформирование разбойничьего края в цивилизованный и сравнительно мирный маркизат, куда вскоре без страха будут приезжать даже из столицы.

Вообще-то я говорил экспромтом, но идея неплоха, гномы в самом деле лучшие на свете рудокопы. Им не надо затрачивать лишние усилия, чтобы прорубать высокие штольни. У них ноги вовсе не для бега на длинные или короткие дистанции, зато если обрушится кровля, гном скорее всего выберется живым, эдакий комок толстых плотных костей, обтянутых такими же твердыми мускулами и тугими жилами.

Насколько помню, у гномов всегда самый высокий уровень хэпэ, у людей и то вполовину меньше, не говоря уже о субтильных эльфах, чья выживаемость только в скорости да быстром беге.

Женщины вернулись из грота свеженькие, чистенькие, как две рыбы, даже ухитрились продрогнуть в холодной воде. Принцесса съжилась, а Боудеррия на правах больше старшей сестры, чем телохранительницы, бережно обнимала ее за плечи и похлопывала по спине широкой, как лопасть весла, ладонью.

Перехватив мой взгляд, Алонсия нахмурилась, освободилась из рук Боудеррии и пошла к Вильярдю. Боудеррия вынужденно направилась ко мне, шаги скованные, при ярком свете дня ее уверенность испаряется, как туман на солнце.

– Дрескер что-то придумал? – спросила она нейтральным тоном.

– Нового пока ничего...

– Только прыгать в пропасть?

Я сказал с сочувствием:

– Да. Но не в пропасть. Просто сделать шаг через границу между королевствами. В новый мир, в новые возможности.

Она поморщилась.

– Ну да, просто шаг... А ты?

Она старалась не смотреть в сторону гигантской оливы, хотя та молчит и вообще делает вид, что мы ночью просто спали под сенью ее ветвей, но она даже этого не видела.

Я указал на гладкие валуны неподалеку, Боудеррия опустила первую, раз уж в самом деле все еще и при свете дня считаю ее больше женщиной, чем воином.

Я сел на соседний. Боудеррия старается смотреть ровно и бесстрастно, мы же в походе, спина прямая, плечи расправлены, живот подтянут, всегда готова к схватке и не забывает подчеркивать это каждым движением и взглядом.

– Ломаю голову, – ответил я. – Как та лиса на развилке... У меня не просто масса дел в Сен-Мари, а все криком кричат и требуют моего немедленного присутствия!.. Уже и так опаздываю. Не на танцы или пир, что можно как-то оправдать, а на войну, где могут и убить, а это значит, должен туда просто бегом, чтоб ничего не подумали, тут никаких оправданий!..

Она кивнула, лицо понимающее, хотя взгляд все еще отводит либо смотрит поверх моего плеча.

– Тебе не просто на войну.

– Еще бы, – согласился я.

Она сказала обстоятельно:

– Тебе нужно вести войска. А в этом случае без тебя не обойдутся. Масса людей с оружием нуждается в вожаке.

– Конечно, – согласился я. – Это хорошо, что с тобой посоветовался. Теперь знаю, как поступить... Ладно, расскажи, как вы сумели пройти весь этот путь с такой кажущейся легкостью? Если сотни лет даже подумать не решались об этом Камне?

Она передернула плечами.

– Если бы знала, что нас ждало... Хотя этот старик приготовился очень хорошо и давно. Он только ждал таких сумасшедших. Или отчаявшихся.

– Вы не одни, – заверил я.

Она слабо улыбнулась, грубое лицо осветилось и стало почти женским.

– Вам в самом деле повезло.

Слушая ее рассказ, я понял, что насчет легкого пути к Сумрачному Гроту почудилось только мне. Мы прошли буквально фуксом, а они прорубывались, проламывались, прожигали стены, гном разбивал в щебень обухом зачарованного топора каменных големов, гранитных

Хранителей Гор, а лезвием рассекал деревянных Хозяев Леса. Без него не прошли бы, как погибли бы в первый же день без мага Дрескера, он выжигал огнем целые поля нежити, закрывал магическим шатром от атаки тысяч огненных ос размером с птиц, остановил и заставил превратиться в лед мощный водопад целого горного озера, что неожиданно выплеснуло на них все запасы...

Сама Боудеррия постоянно спасала отряд благодаря звериному чутью, даже маг не замечал подкрадывающихся ночных чудовищ, а принцесса Алонсия трижды разгадывала тайные знаки на стенах, и перед ними открывался проход дальше. Сам же Вильярд всегда шел впереди и принимал на себя удары. Только своевременная и самоотверженная помощь отряда спасала ему жизнь, но не шкуру, ту дырявили много и часто.

– Да, – сказал я с объективностью спортсмена, – даже не знаю, сумели бы мы пройти через такое.

Она фыркнула:

– Вряд ли. Скорее всего, нет.

– Согласен, – сказал я. – Вы отважнее. А мы, что ж... умный в гору не пойдет.

– А что сделает?

– Обманет, – пояснил я. – Умный гору... обманет.

Она наморщила нос.

– Что-то слишком сложное. Камень еще не потерял?

– А ты еще не пробовала спереть? – спросил я с интересом.

Она поморщилась.

– Будто не знаешь, его не украсть. И даже подарить никак. Теперь навсегда твой.

– А что он делает?

Она пожала плечами.

– Если бы я знала. Все только и говорят, что в нем сокрыта неслыханная мощь. Болтают, он может сжечь целый мир. А как это, спроси Дрескера.

– Спрошу, – пообещал я. – Это верно, что ты тоже королевской крови? И даже наследница трона?

Ее лицо не изменилось, с полнейшим равнодушием пожала плечами снова.

– Мне все равно. Я слышала в детстве, на каждом острове, даже крохотнейшем, свое королевство. Так что оказаться с королевской кровью не так уж и сложно.

Я пробормотал:

– Ну, вообще-то, если правильно смотреть, то любой человек – король. Так сказал Господь, отдавая ему в управление весь мир.

Со стороны нашего костра донеслись топот и сопение, это Торкилстон и Ордоньес шумно бухают подошвами по пеплу, словно исполняют ритуальный танец, надо затоптать последние угольки, боги не любят, когда люди оставляют за собой огонь.

Оба уже с мешками за спиной, Вильярд в рыцарских доспехах, принцесса держится за его руку, как ребенок, что страшится потеряться. Дрескер потуже затянул толстый шнур на поясе халата, только гном остался сидеть с упертым в землю топором.

Боудеррия покосилась в их сторону и произнесла, понизив голос:

– Если бы ты, гад, хоть капельку нуждался во мне, я бы оставила здесь все и пошла за тобой.

– А принцесса?

Она поморщилась.

– Не видишь, Вильярд с нее пылинки сфукивает? Необходимости во мне уже нет...

– Да, – признал я, – он за ней, как мама за птенчиком.

Она выждала одно неуловимое мгновение, когда я еще не отвечу, но сделаю движение ответить, однако я молчал и не шевелился, и она поднялась резко и уверенно.

- Ладно, еще увидимся!
- А как же, – ответил я бодро. – Ну да!

Глава 3

Она отвернулась красиво и резко, словно в воинском танце, пошла к ним сильная и уверенная, спина прямая, а плечи разведены, шаг подчеркнуто тверд, а каждое движение исполнено силы.

Я молчал и не двигался, какая-то неловкость все-таки витает в воздухе, хотя и непонятно мне, грубому такому, из-за чего. Наконец я медленно вернулся к месту, где уже затоптали костер, там Дрескер объясняет скрипучим голосом:

– Отсюда до Края полдня пути. К обеду можем начать спуск. Если еще не передумали... Нет?

Вильярд огрызнулся:

– А у нас есть выбор?

Алонсия прижалась к нему и сказала преданно:

– Я с тобой.

Боудеррия сказала резко:

– Никто не передумал.

– Без вариантов, – согласился я.

Дрескер сказал торопливо:

– Только не надо на меня кричать. Прощайтесь с его светлостью и... отправляемся.

Я напомнил:

– Как спуститесь, топайте прямо в Геннегау. Это столица Сен-Мари, оно же Орифламме, Арндское королевство и что-то там еще. Идите прямо в королевский дворец! Он хоть и королевский, но отдавать пока не собираюсь, так что там мои люди... Надеюсь, пока что мои. Сэр Вильярд может сразу же догонять наше победоносное крестоносное войско. От его подвигов, я имею в виду благородного сэра Вильярда, а не войско, будет зависеть размер будущих земель и весомость титула. Не забудьте всем сказать, что вы мои друзья и под моей личной защитой!.. А то знаете ли... А вас, граф Ордоньес, попрошу задержаться.

Ордоньес спросил встревоженно:

– Что-то случилось?

Я сказал, морщась:

– Вспомнил, рыцари Вестготии уже ломятся на ваш корабль. В этом случае вам надо вернуться туда поскорее.

Он сказал горестно:

– Я бы всеми лапами «за», но... как?

Я ответил с тяжелым вздохом:

– Будем думать. А вы, дорогие друзья... это не оборот галантной речи, я в самом деле ко всем вам расположен нежно, нас этот опасный квест буквально сроднил... топайте!

Гном наконец поднялся, обнялся со всеми своими, затем вскинул на плечи вещевой мешок и пошел в сторону каменного гребня. Некоторое время еще постукивали валуны, будто гном на ходу пересчитывает их обухом топора, затем все стихло.

Торкилстон вскинул кулак в прощании, Вильярд и маг кивнули, принцесса жалко улыбнулась, а Боудеррия посмотрела на меня в упор и покачала головой.

В молчании мы с Ордоньесом смотрели, как они уходят, а когда скрылись, как и гном, только в другую сторону, Ордоньес спросил с жадной надеждой:

– Что-то придумали, ваша светлость?

– Нет еще, – ответил я честно. – Хотя мысль есть, но не знаю, как ее взнудать. Ладно, вернусь в Сумрачный Грот. Может быть, там этот тупой Камень поймет, что мне что-то надо. А

вы, дорогой друг, сидите здесь и ждите. Ничему не удивляйтесь. Если случится что-то необычное... не сопротивляйтесь.

Он спросил с подозрением:

– Почему?

– Есть такая уловка, – объяснил я. – Расслабьтесь и получайте удовольствие. Чтобы потом победить.

Деревья расступились и тут же сомкнулись за спиной, словно тягучие темно-зеленые волны. Впереди та черная массивная скала, настолько блестящая, словно вода омывает ее и снаружи, у основания темная дыра с красиво изломанными краями. Изнутри доносится слабый плеск, будто там в бассейне прыгают крупные рыбы, изображая веселых лягушек.

Я нагнул голову, как раз по моему росту, навстречу пахло свежестью и водяной пылью. Дальше по стене льется широкая свободная струя, гладкая, как зеркало, красиво обрушивается в выбитый за века небольшой бассейн в каменном основании.

Вчера, когда я протянул руку через струю водопада и коснулся спрятанного за нею Камня, все тело пронзило ощущение неизмеримой звездной мощи, что мирно спит, сложив лапки. Но как овладеть этой силой? Или я сумел сотворить мороженое в хрустальной вазе потому, что силенок прибавилось? Ладно, рискнем...

Ордоньес не отрывал взгляда от роши, куда я ушел. Его затрясло, когда за спиной заскрежетали камни, а мощный удар ветра от моих крыльев едва не свалил с ног.

Я не стал складывать их на спину, проревел хриплым голосом:

– Молчи и повинуйся. Я – могучий демон, служу великому Ричарду, повелителю демонов земных, водных и небесных. Он велел отнести тебя на берег.

Ордоньес, бледный и заикающийся, попятился и упал навзничь, прижимая к груди дорожный мешок. Я протянул лапу и, едва он перевернулся и встал на четвереньки, безжалостно ухватил за пояс и, прыгнув в воздух, потащил в небо.

Ордоньес завопил:

– погоди!.. Надо попрощаться!

– Молчи, смертный, – прорычал я.

Крылья с силой били по воздуху, поднимая нас выше и выше. Я сперва тревожился насчет прочности пояса, ловить на лету рискованно, из меня воздушный гимнаст пока неважный, но когда перешли в горизонтальный полет, чуточку успокоился.

Внизу поплыли чудовищные разломы, молодые горы, зеленые долины – жизнь берет свое, извилистые реки, голубое небо с облаками в зеркалах озер. Когда впереди намечался город, я тут же сворачивал, кто знает, что там на вооружении. В стране, где есть драконы, обязательно есть и что-то противодраконье.

Ближе к побережью земля неощутимо ровно шла вниз с крохотным уклоном. Мелькнули роскошные сады, оливковые и кипарисовые роши, развалины древней крепости, почти неотличимые от развалившихся от древности скал, затем почувствовался плотный влажный воздух огромного океана, и лишь тогда он выступил из-за горизонта лично, необъятный и величавый.

Немного погодя я рассмотрел корабль со спущенными парусами. «Морской Всадник» стоит на якоре, но на берег вытащена лодка, возле нее с десятков коней. Блеснуло солнце на металле доспехов, понятно, рыцари уже перебираются на корабль, мы вовремя, а то местные лорды ощутили бы себя обманутыми...

Нас заметили, кони начали взбрыкивать, пытаюсь порвать узду, рыцари схватились за мечи. Я поспешно опустил Ордоньеса в паре сотен ярдов на песок, мощно толкнулся задними лапищами и взмыл в воздух. Уменьшающаяся фигурка адмирала поднялась на задние конечности, я даже успел рассмотреть, как он принял гордую позу, – ну а как же, это же сколько

можно придумать и как еще хвастаться. Молодец Ордоньес, моментально приходит в себя. Только такие и становятся жожаками.

К нему бросились двое матросов и один из рыцарей, а я развернулся и взял курс на Флоренж.

Совсем недавно я не смог по эту сторону Разлома, Края или Зуба Сатаны – как ни назови – перейти в нечто более крупное, чем худосочный птеродактиль. Сейчас вот лечу достаточно мощным драконом, сам могу что-то менять во внешности, самые прочные щитки уже перетащил со спины на пузо: лично для меня не так страшны нападения сверху – сражений за самку постараюсь избежать, а вот если жажахнут с крепостной стены самонаводящейся стрелой крупного калибра...

Господь не совершает чудес, и все то, что невежественные люди объявляют чудом, на самом деле является проделками дьявола.

Однако люди могут совершать чудеса, если они святые, подвижники или великомученики. Отчасти чудеса могут совершать и паладины, но только в качестве лекарей-исцелителей. Я просто чуть расширил свой ассортимент, я ведь уже больше, чем рядовой паладин. Немного больше, воину церкви надлежит быть скромным, но все-таки что-то могу и помимо того, что создать чашку горячего кофе или ломоть хлеба. Хотя, возможно, это в меня так прорастает сущность Темного Бога? У магов, волшебников, чародеев и прочих колдунов ассортимент не в пример богаче моего, хотя им нужны особые заклинания и различные зелья, талисманы, амулеты...

Значит ли это, что если обхожусь без талисманов, то это сила святости? Или, напротив, темности?

Внизу проплывают участки земли, изуродованные чудовищными катаклизмами. Вестготии досталось куда больше, чем Сен-Мари. Там только Ундерленды и частично Брабант отделены природой, а здесь чуть ли не каждое село смотрит на соседей через бездонную пропасть длиной в десятки миль.

Некоторые скалы торчат настолько странные, словно вбитые в землю исполинские гвозди в сотни ярдов высотой с широкими расплуснутыми шляпками. Я то и дело опускался и пролетал рядом, выворачивая шею так, что трещали позвонки, стараясь рассмотреть подробности во все драконьи глаза.

Однажды чуть не поплатился: вылетела огромная стая мелких, но злобных тварей, полуптиц-полугарпий. Меня били, кусали, ухитрялись втыкать в узкие щели между раздвигающимися костяными пластинками острые, как длинные шила, клювы.

Кожаные перепонки на крыльях, на что уж прочные, лопались с сухим шелкающим звуком. Я орал от боли и начинал падать, с трудом выравнивался, залечивая раны, а на меня продолжали нападать и вырывать куски мяса, пока я не отдалился от их гнезд на полмили.

Перевалив через тонкую, но остро вздыбленную цепь гор, увидел далеко впереди роскошную долину без следов катаклизмов, пологие холмы, снова долину, а дальше вон тот прекраснейший город, что кажется выстроенным на холме, но на самом деле просто каждое следующее кольцо домов выше предыдущих, а в центре так вообще огромный палац из десятка зданий, вознесенных к небу...

Я перевел дыхание, какой же я молодец; и долетел благополучно, и не заблудился... Если кто и заметил, как я, растопырив натруженные крылья, пошел планировать к земле, то очень издали, и вряд ли сунется проверить, что это за дракон...

Все четыре лапы ударились о землю, а затем и я бухнулся брюхом и даже мордой, клацнули зубы. С минуту отдыхал, проверяя, не поломал ли кости при посадке, затем спешно начал перетекать в людскую личину, стало непривычно горячо, зато вроде бы пошло намного быстрее обычного.

Едва ощутил себя в теле человека, поводит языком по альвеолам и сказал негромко:

– Зайчик!.. Зайчик!.. Ко мне!.. Бобик, ко мне!.. Я жду вас.

Долго ничего не происходило, я вышел из-за холмов и пошел в сторону города. Стали видны на горизонте его башни, и только тогда вдали взметнулась пыль.

Сердце мое радостно екнуло. Зайчик появился темным пятнышком и моментально вырос в огромного черного коня с выпуклыми мышцами, роскошной гривой и мощной широкой грудью.

Адский пес опередил его в прыжке и, свалив меня на спину, облизал лицо горячим языком.

– Когда-нибудь так убьешь, – обвинил я. – А если бы за спиной камни?

Он ликующе махал хвостом и преданно смотрел в глаза. Я потрепал его по толстой шее, любой вепрь позавидует, обнял арбогастра за голову и шепнул в оттопыренное ухо:

– Спасибо. Ты молодец.

Он фыркнул, что за телячьи нежности, но сам коснулся меня бархатными губами и жарко подышал в ухо.

– Возвращаемся, – объяснил я. – Не могу же пешком, аки скиталец? Так могут ходить только нищие и боги под прикрытием, но я ни то, ни другое. Я пока что нечто среднее... Пока что.

Бобик понесся впереди, взбрыкивая, как жеребенок, на всех четырех, Зайчик идет ровным галопом, понимает, мы на людях, стоптать можно, нехорошо. Можно, но нехорошо.

У ворот королевского сада прохаживаются взад-вперед роскошно разодетые чопорные стражи, больше похожие на вельмож при оружии, чем на воинов. При виде меня кто-то охнул, другой вскрикнул, и у всех глаза полезли на лоб.

Один едва не выронил копье в испуге.

– Ваша светлость... что это с вами?

Я оглядел себя, от рубашки окровавленные лохмотья, кольчуга уцелела от пояса и ниже, из штанов сбоку вырван клочок вместе с моей кожей, сейчас там засохшая кровь. Разве что сапоги уцелели, хотя и они в крови пополам с грязью.

– Что? – спросил я с удивлением. – Разве не так должен выглядеть настоящий мужчина?

Он застыдился и бросился поспешно распахивать ворота. Возле царских конюшен суетятся слуги, разломанные ворота красиво лежат на земле, вокруг носятся, как муравьи на пожаре, рабочие, ахают и квохчут придворные, красиво разводят руками и шепчутся, шепчутся, шепчутся...

Все повернулись на громкий стук копыт, я услышал испуганные крики; от нас разбежались, как вспугнутые куры. Растолкав придворных, вперед быстро вышел Ашворд, бледный и помятый, быстро поклонился и смотрел на меня с вымученной улыбкой ко всему готового царедворца.

Я красиво соскочил на землю, улыбаясь как можно беспечнее, раскинул руки в широком жесте благодетеля всего человечества.

– Дорогой Ашворд, – сказал я с чувством, – как приятно видеть вас в добром здравии!.. И хорошем состоянии духа, конечно. Это ничего, что моя лошадка побежала на мой зов так... торопливо?

По его лицу было видно, насколько это «ничего», но сущность придворного взяла верх, и Ашворд ответил с задавленным вздохом, почти любезно:

– Да, очень даже торопливо. Не возжелала дожидаться, когда откроют ворота...

– А открыли бы?

Он посмотрел с удивлением.

– Конечно! Есть порода коней, что бегут на зов хозяина издалека... Хотя конечно, не так быстро, как ваш.

Один из придворных вставил желчно:

– И они не такие... дикие! Разве это конь?

Я уставился на него мрачным взглядом, придворный попятился, Ашворд торопливо пояснил:

– Ваша лошадка выбила ворота, придавив двух конюхов, их уже унесли. Ну, еще пятеро покалеченных, что пытались ее остановить, и плюс сбитый верх каменной стены, когда помчалась напрямик и слегка задела копытами при прыжке... Там рухнули четыре блока и насмерть задавили часового... Ну да ладно, пусть не спит на посту. А так все ничего, мы счастливы видеть вас, ваша светлость... пусть и не успели подготовиться.

Я отмахнулся.

– Вы же сами догадываетесь, для меня церемонии абсолютно лесом. Может быть, станут важны, когда остановлюсь и развосядусь, но сейчас я в непрерывном беге, к счастью для всего человечества... Как здоровье Его Величества? Я хотел бы сообщить ему новости.

Он посмотрел мне в глаза, я постарался держать лицо каменным, он проговорил с задвленным вздохом:

– Хорошо. Да, конечно... Думаю, для встречи с вами Его Величество отложит любые дела.

– Прекрасно, – ответил я с чувством. Как здорово доползти или доскакать до такого момента, когда короли откладывают даже самые спешнейшие дела ради разговора со мной. – Прекрасно! Тогда прямо щас.

Он учтиво повел рукой.

– Судя по вашему... виду, вам есть что рассказать, не так ли?

– Вы такой догадливый, сэра Ашворд! Чувствуется благородное воспитание. И манеры.

Он ответил сдержанно:

– Спасибо, сэра Ричард. Вы не желаете... хотя бы переодеться?

Я изумился:

– Зачем? Принцессы уже нет, а мужчинам все равно, как я одет. Не так ли, сэра Ашворд?

Он промямлил:

– Ну, если в высоком смысле, то да. Но если в придворном...

– Будем жить высокими образцами, – сказал я твердо. – По мне сейчас сразу видно, что живу по-мужски. Представляете, если бы весь мир жил так высоко?

Он вздрогнул.

– Представляю... Прошу вас за мной, сэра Ричард.

Глава 4

Конюхи, очень бледные и настороженные, повели Зайчика через темный провал на месте ворот конюшни. Доски звучно захрустели под его копытами, как молодой ледок.

Ашворд на ходу косился на меня, я заметил, что он старается не замечать мои лохмотья, у каждого свои причуды, а это даже не причуда, а высокородная спесь; наконец, сказал умоляюще:

– Ну хоть два слова можно?

– Можно, – ответил я.

– Ну так... это... молвите! Умоляю.

Я сказал лаконично:

– Камень – мой.

Он споткнулся на ходу, я моментально подхватил его под локоть.

– Во дворцах всегда скользко, сэра Ашворд. То ли сопливых много, то ли еще чего...

– Благодарю вас, сэра Ричард... вы имеете в виду... тот самый Камень?

Я сказал так же небрежно:

– Я понимаю, мелочь, но раз уж погнался за принцессой, почему не взять хотя бы ценный камешек?.. Только вот не знаю, чем он ценен. В смысле, сколько за него заломить на рынке.

Он зябко передернул плечами.

– Лучше и не думайте о нем! Говорят, он способен превратить в пепел целое королевство!

Перед нами распахивали двери, в залах пронесся говор, вперед унеслась пара быстроногих слуг. Когда добрались до раззолоченных дверей королевской приемной, там уже высился церемониймейстер, громадный и величественный, посмотрел в нашу сторону и, точно высчитав расстояние, распахнул двери к королю с оглушительным ревом:

– Сэр Ричард к Его Величеству!

Не замедляя шага, я продолжил ход, как большой корабль, что не умеет останавливаться сразу. В кабинете ничто не изменилось, король Херлуф Сильвервуд восседает в кресле, положив руки на подлокотники, на голове рогатая корона, сам все в той же красной мантии до пола, скрывающей ноги. Мне показалось, что седины намного больше, чем я рассмотрел в прошлый раз, но все потому, что волосы и так слишком светлые, почти бесцветные, а золотые лишь в моменты, когда на них падает луч солнца из окна.

Странно, корона выглядит настолько продолжением черепа, что я так и не увидел место разделения, а лицо еще больше выглядит отлитым из золота, желтое, во множестве морщинок, запавший рот, впалые щеки и обвисающие брыли, как у породистой собаки.

Усталые старческие глаза вспыхнули любопытством, всегдашние тоска и разочарование, без которых я уже не представлял короля, улетучились.

– Ваше Величество, – сказал я почтительно.

Думаю, в таких лохмотьях я выгляжу круче рыцаря в сверкающих доспехах; сам понимаю и тешусь спесью. Даже Ашворд, судя по его виду, наконец-то оценил мою смелую импровизацию, а король не стал ожидать другие знаки подчинения – я же иностранец, мне можно держаться несколько свободнее местных, те по факту уже вассалы; кивнул торопливо.

– Сэр Ричард!.. Я слышал там в саду какие-то крики... Это по поводу вашего прибытия?

Ашворд кашлянул за моей спиной, выдвинулся и встал сбоку.

– Осмелюсь ответить за сэра Ричарда, Ваше Величество. Это его собачка и коник радостно побежали встречать хозяина. И... кое-что развалили по дороге.

Я сказал виновато:

– Животные, Ваше Величество, как дети! Такие непосредственные, чистые, честные...

Король нетерпеливо кивнул:

– Да-да, я сам животных люблю больше своих придворных. И вообще, больше людей. Садитесь, сэр Ричард!..

– Благодарю вас, Ваше Величество.

– Рассказывайте, сэр Ричард. Рассказывайте! Вы же понимаете, насколько важной была ваша погоня.

Ашворд остался скромно у двери, голова склонена, руки в жесте покорности, только глаза быстро зыркают то на меня, то на короля. Я выдержал паузу, хотя и не театрал, стараюсь побыстрее сообразить, под каким соусом подать новости.

– Все получилось, – произнес я с дьявольской скромностью. – Все получилось, как и должно, разве могло быть иначе? Я бы несколько изумился. Камень Яшмовой Молнии у меня, что естественно. Я бы даже весьма оскорбился, если бы что не так! Вы правы, его мощь ужасающая, если верить непроверенным, но достаточно убедительным слухам. Людям лучше не прибегать... Но пусть все знают, что меня, как и гусей, лучше не дразнить. Я еще тот гусь. Это так, на случай. Что еще?.. На фоне того, что этот Камень наконец-то вытасчен из Грота и больше не будет приманивать туда дураков и авантюристов, все остальное так пустяково, что даже рассказывать Его Величеству весьма неловко...

Король вперил в меня старческий, но зоркий взгляд. Ашворд завозился и проговорил тихонько:

– Что с... убежавшими?

– Потерпев поражение, – сказал я небрежно, – они просят прощения у Вашего Величества, что поддались безумной любви и убежали.

Он спросил с раздражением в голосе:

– Кто просит?

– Ваша дочь, – ответил я, – прекрасная принцесса Алонсия, Ваше Величество. Она в самом деле прекрасна! Чувствуется, что многое взяла от вас. Чувствую, вы были в молодости еще тот орел!

Он не заулыбался польщенно, как я надеялся, – битый волк, все понимает, – спросил резко:

– Что с Вильярдом?

– Безумная любовь к вашей дочери, – объяснил я, – толкнула на зело безумный поступок! Она ведь прекрасна, ваша дочь! Сказано, пошла в вас, Ваше Величество... Остальные тоже целы, что удивительно, все-таки дорога была очень непростой.

Ашворд сказал тихонько:

– Я давно знал, что Дрескер готовился туда много лет. Он все изучил, против всех напастей отыскал заклятия. Ему оставалось только подобрать участников, или дожждаться, пока созреют намеченные безумцы. Я только не мог представить, что этими сумасшедшими будут ваша дочь и Вильярд...

Я кивнул.

– Это все объясняет, да. Сознывая свою вину перед вами, они все решили наложить на себя епитимию и на время отправиться в странствия. Но это, Ваше Величество, уже частности и та-а-акие мелочи... Вы, как мудрый и дальновидный король, конечно же, понимаете, насколько важнее сейчас умиротворить клан герцога Хорнельдона! И крепкой дланью наконец-то утвердить там вашу власть.

Он молчал, уже подавляя гнев, но все еще раздираемый сомнениями. То, что исчезла постоянная и растущая угроза со стороны герцога, – великое счастье и облегчение, но чутье подсказывает, что я могу быть намного более опасным противником, чем вообще-то ленивый Хорнельдон. Только вот стану ли...

Ашворд опасливо поглядывал то на него, то на меня. Наконец король тяжело перевел дыхание, с силой ударил обеими ладонями по широким поручням кресла.

– Сэр Ричард, – произнес он все еще резким голосом, в котором клокочет гнев, но уже стиснутый железной ладонью контроля, – сейчас это самое важное. Хотя мое сердце обливается кровью при таких новостях. Моя дочь убежала с этим... этим безродным...

Я промолчал, это он знал еще до того, как мы пустились в погоню, сейчас же таким образом заверяет, что целиком и полностью разделяет мое негодование.

Ашворд понял мое молчание и сказал нерешительно:

– Сейчас с этим ничего не поделаться, Ваше Величество. Потом, может быть, да... Сейчас я бы порекомендовал...

Король поморщился.

– Да знаю-знаю. Часть вассалов герцога Хорнелдона отбыла по домам, но некоторые остались и выжидают.

– Всё приходит в свое время для тех, – сказал я осторожно, – кто умеет ждать... С другой стороны, если ждать минуты, когда все, решительно все будет готово, – никогда не придется начинать.

Ашворд поспешно сказал:

– Простите, Ваше Величество, но сэр Ричард, к сожалению, прав. Готовы мы или нет, но прямо сейчас надо показать, что сэр Ричард вернулся.

– С победой, – напомнил король.

Я дополнил крайне почтительно:

– Выполняя ваше указание, Ваше Величество! И сделав все так, как вы мудро и указали!

Он не повел и бровью на откровенную лесть, но, думаю, сигнал понял: мутить воду не собираюсь.

Ашворд содрогнулся и сказал осевшим голосом:

– Главное, сэр Ричард вернулся с Камнем Яшмовой Молнии. Это тоже всем скажет о многом.

Король побарабанил пальцами по подлокотнику, и снова мне почудился стук дерева по дереву.

В отведенных мне покоях ничего не изменилось, разве что посреди зала уже раскорячилась на четырех медных лапах в виде разинутых львиных голов широкая медная бадья. Три женщины льют в нее из больших кувшинов горячую воду, четвертая добавляет холодную и часто опускает туда пальцы, всякий раз громко ойкает и торопливо льет еще.

Я сбросил одежду – чертовы гарпии не оставили целого клочка, одни лохмотья, словно я принц и нищий, а еще Джекил и Хайд.

Служанки стыдливо отвернулись, пока я влезал в воду, а затем с энтузиазмом принялись растирать мне плечи, намылили голову, размяли шею.

Одна сказала удивленно:

– Ваша светлость, вы просто счастливчик! Одежда вся порезана, а на теле ни одной царапины!

– Это называется не счастливчик, – пояснил я, – а великий воин. Царапины оставляю я, а не мне, поняли?

Она хихикнула:

– Да-да, такие царапины, что руки-ноги отлетают, как веточки, верно?.. Наклонитесь чуть, я спину потру...

Я наслаждался купанием. Женщины щебечут, расхрабрились, щечки уже порозовели, глазки хитрые, начали извечную игру с мужчиной, где у нас нет шансов выиграть; я отдался чувству покоя, но мысли то и дело возвращаются к Гайдерсгейму, где я сейчас должен мчаться впереди рыцарского клина и рассекать плотную лаву полуголых варваров. Зря я с этим герцог-

ством, зря. Ухватил сдуру, как не взять, когда другие всю жизнь добиваются, а тут само приплыло прямо в руки? Не подумал, что герцогство тоже может оказаться бесплатным сыром.

Не потерять бы из-за него Сен-Мари, не так уж там моя власть и крепка. Да и Армландия осталась без наиболее боеспособных войск, соседи такое замечают сразу. Одна надежда, что за моими успехами следят очень внимательно и ревниво. В Армландию тут же введут войска хоть Гиллеберд, хоть Барбаросса, хоть еще кто почестолубивее, если я потерплю здесь поражение или хотя бы ввяжусь в тяжелую затяжную войну.

Но пока я от победы к победе, все будут выжидать, когда оступлюсь. Хуже то, что их ожидания вот-вот оправдаются. Я уже иду по краю бездны, а в тумане то и дело теряю границу твердой земли...

– Ваша светлость, приподнимитесь... вот так, спасибо, мы помоем и ваши... ноги...

Потом меня долго и старательно промакивали огромными, размером с Сен-Мари, мохнатыми полотенцами, а чопорные слуги вносили и растопыривали передо мной различные костюмы. Эти уже не спрашивают, почему сам цел. Видимо, целебные мази, отвары, корешки и прочие штуки, быстро заживляющие раны, достаточно доступны простому вельможному народу.

– Вот этот камзол, – сказал я. – И эти штаны!.. Нет, лучше эти. Сапоги без шпор? Убрать!

– Ваша светлость, – осмелился сказать один почтительно, – но шпоры порвут королевские ковры.

– Я долго не задержусь, – пообещал я, понимая, что это мгновенно доложат королю. – Его Величество может не беспокоиться... в его герцогстве будет порядок!

Одетого и обутого, меня передали другим слугам, а эти, постоянно и растерянно кланяясь, словно им еще не объяснили, как себя вести с победителем грозного Хорнельдона, отвели меня в коронный зал. Огромен, окна со стрельчатыми арками, дальняя часть визуальнo отделена колоннами, восемь столбов из золота, так это выглядит, хотя, конечно, просто отделка, а внутри наверняка камни. В той части расположено массивное кресло с неизменно высокой спинкой, колонны то ли держат свод, то ли показывают границу, за которую не стоит переступать, приближаясь к Его Величеству.

Церемониймейстер сказал громко и с радостным подъемом:

– Его Величество король Херлуф Сильвервуд!

Все зашевелились, сгибаясь в поклонах, и оставались в таком положении, пока король шествовал к креслу. Вышел он из двери в стене в той же части зала, отделенной колоннами – лицо напряженное, голова слегка втянута в плечи; торопливо подошел к креслу и опустился на сиденье, как мне показалось, со вздохом облегчения, словно только в нем он в полнейшей безопасности.

На пару долгих мгновений я снова увидел прозрачную воду, охватившую его тело. На кистях рук и старческих пальцах задержалась, истаивая медленно, как туман на солнце.

Придворные выпрямили спины, на лицах почтение. Король окинул всех строгим, но отеческим взглядом. Я впервые ощутил, что, несмотря на его сломленный и разочарованный жизнью вид, он умеет быть жестоким и неуступчивым. Да и все понимают, что у него рухнула гора с плеч, когда герцог погиб так неожиданно и нелепо в одном шаге к абсолютной власти.

И, главное, король в самом деле впервые за долгие годы может не только перевести дух, но и действовать без оглядки на всеильного герцога.

Все ждали, а Херлуф, выдержав многозначительную паузу, коротко кивнул церемониймейстеру. Тот величественно развернулся и подал знак глашатаю.

Одетый в королевские цвета, что значит – не простой глашатай, а возвещающий королевскую волю, он важно развернул лист и заговорил важно:

– Мы, милостивый король Херлуф Сильвервуд, потомок Древних Королей, возлагаем на маркграфа и майордома Ричарда Длинные Руки титул герцога Вельденского и жалует ему вла-

дения в Дасселе с замком Альтенбаумбург, а также земли Маркгрефлерланда и Монферратские! Обязанности предыдущего владельца, герцога Хорнелдона, переходят отныне герцогу Ричарду, а также все старые долги, счета и прочие удобства и неудобства. С этого дня перечисленные земли вверяются герцогу Ричарду, и только ему! Он обязан поддерживать закон и порядок, платить налоги в королевскую казну, заботиться о своих вассалах и простом люде.

Он закончил, и в торжественном молчании, когда никто не проронил ни слова и даже не шевельнулся, начал с шуршанием сворачивать свиток в трубочку.

Я вышел из толпы и, приблизившись к королю, преклонил перед ним колени. Двое пышно одетых приближенных подали ему роскошный меч в багряных ножнах с золотыми накладками в виде стилизованных молний.

Король, придерживая ножны одной рукой, с усилием потащил за рукоять, черную и с крупными рубиновыми камнями. Клинок вспыхнул на свету синеватым пламенем.

– Доблестный сэръ Ричард, – сказал король и ударил меня мечом плашмя по правому плечу, потом по левому, – вы преклонили колени, будучи маркграфом, а подниметесь герцогом! Встаньте, сэръ Ричард, герцог Вельденский!.. И можете принимать поздравления.

Последние слова он произнес совсем другим тоном, дружелюбным, это тоже больше на публику, пусть видят наши теплые отношения, совсем не те, что с предыдущим герцогом. И еще пусть почувствуют как бы намек на то, что король умеет ждать, вот за это время отыскал и вызвал героя, способного сразить неуязвимого соперника за трон, и теперь снова власть его крепка, как никогда раньше.

Я поклонился и сказал громко:

– Ваше Величество, я бесконечно вам признателен. И считаю себя в неоплатном долгу. Только укажите на ваших противников... и я смогу доказать вам свою дружбу.

Не знаю, заметил ли король, что я избегаю стандартных «ваш покорный слуга», «моя преданность» и подобных. Видимо, заметил, политики такое вылавливают в первую очередь, но не подал виду, улыбается отечески и благосклонно. Я и так сделал ему просто сказочный подарок. Буду или не буду претендовать на трон – еще неизвестно, но Хорнелдон уже протягивал к нему руку, собираясь освободить место для себя.

Король улыбнулся и повернул голову к следующему пышно одетому вельможе, тот уже в нетерпении переступает с ноги на ногу.

– Что у вас, благороднейший лорд Балдершир?

– Я по поводу овдовевшей жены моего брата, урожденной Каринтийской из рода Фарентеров...

Я отступил в толпу, королю нужно вести прием дальше, меня окружили знакомые и незнакомые, поздравляют шумно, велеречиво, но я видел глубоко упрятанный страх за радушнейшими улыбками. Хорнелдона знали, он собирался взять всего лишь трон, да и то потому лишь, что к этому подталкивали, а по мне видно, что молодой и горячий, а такие могут наломать дров.

А если учесть, что у меня отныне Камень Яшмовой Молнии...

Я благодарил, улыбался, многие видят меня впервые, нужно создать образ открытого и любезного человека, всегда готового к дружеской беседе и предпочитающего мирное разрешение любого спора.

Раньше я полагал, что король не может давать титулы герцогов, это прерогатива императоров, но король Херлуф Сильвервуд ни на секунду не усомнился в своем праве, а это значит, здесь власть короля вообще-то значит больше, чем в любом из королевств, в которых я побывал раньше. Это вообще-то хорошо, хорошо...

Громко топая, в зал вошел высокий поджарый мужчина в кирасе поверх бархатного кафтана, лицо жестокое, хмурое, нос перебит, шрам на левой брови, штаны из толстой кожи с мелкими вставками блестящей стали, а сапоги высокие, укрепленные металлическими полосками.

Шпоры его опущены зубчатыми колесиками вниз, идет ровно и с достоинством, металлические зубчики при каждом шаге касаются гранитных плит пола, слышится приятный звон, одновременно мелодичный и в то же время с мужественной ноткой шагающего рыцаря.

Я залюбовался, зрелище очень эффектное и вообще красивое, затем вползла другая непрошенная мысль: а как пойдет по коврам?

Он приблизился и раскрыл было рот для приветствия, но я заулыбался во всю ширь и сказал дружески:

– Граф Генрих Гатер фон Мерзенгард! Рад вас видеть. Вы в числе первых принесли мне вассальную присягу, и я докажу всем, что вы сделали правильный выбор.

На него начали поглядывать завистливо, граф сдержанно, но довольно улыбнулся.

– Спасибо, ваша светлость. При всех тех подвигах, что вы свершили, я счастлив, что вы меня запомнили.

– Я никогда не забываю тех, – заверил я, – кто пошел за мной.

Нас слушают почтительно, ни одно мое слово не останется без внимания, на меня устремлены десятки пар глаз.

Граф Гатер чуть поклонился.

– Осмелюсь напомнить, ваша светлость, что как ни приятно здесь в королевском дворце слушать похвалы... но вам стоило бы поскорее отправиться в земли Дасселя. Там не все хотят видеть вас преемником владений герцога!

Я посмотрел ему в глаза.

– Насколько это серьезно?

Он не отвел взгляд, лицо сурово-спокойное, но повел плечами.

– Очень. К тому же сам замок...

– Альтенбаумбург? – спросил я, щеголяя памятью.

– Точно, ваша светлость.

– Что с ним? – спросил я настороженно.

– Старый замок, – обронил он негромко, оглянулся по сторонам и добавил совсем тихо: – Очень. Там древняя чертовщина. Еще с тех, Прежних. Говорят, строили не люди. Или не совсем люди. Герцог давно бы мог сбросить короля с трона и стать королем, но ему очень не хотелось покинуть замок... А столицу туда не перенесешь.

Придворные слушают, не шевелясь, но, судя по их лицам, для них это не новость. У многих в глазах жадное любопытство: как поступит новоиспеченный герцог?

Я быстро прикинул разные варианты, но все сводятся к одному: ехать нужно немедленно, пока не вспыхнул настоящий пожар.

– Сколько добираться?

– Трое суток, – ответил он незамедлительно. – Можно выехать даже сегодня. Как раз к вечеру окажемся у гостиницы Шести Мечей. Там хорошо кормят, а вино всегда превосходное. Оттуда, если выехать на рассвете и не слишком отдыхать по дороге, к ночи доскачем до постоянного двора в землях барона Френсиса Аулмера...

– А это кто?

– Последний из лордов на этом направлении, – пояснил он, – кто не является вашим вассалом. А дальше пойдут владения виконта Ноэля Джонстоуна, барона Альфреда Бриджстоуна, графа Дэйва Стерлинга... Это уже ваши вассалы, хотя еще и не принесли клятву.

Я сказал значительно:

– Принесут. У нас будет сильная воинская власть.

Его суровое лицо осветила скупая улыбка, сдержанная, мужественная, и сразу понятно, что истосковался по сильному вождю, по твердой власти, по амбициозному лидеру.

Я сказал решительно:

– Тянуть не будем. Все торжества откладываем. До.

– До чего? – спросил он.

– Просто «до», – ответил я значительно. – Там видно будет.

Он сказал быстро:

– Я распоряжусь насчет коней.

– Сколько нас?

– Не больше дюжины, – отрапортовал он. – Может быть, чуть больше за счет попутчиков, но до замка Альтенбаумбурга с вами доберется как раз дюжина... или чуть меньше.

– Прекрасно, – сказал я. – Как только соберетесь – выезжаем немедленно.

Он ушел быстрой целенаправленной походкой. Придворные, видя мое сосредоточенное состояние, потихоньку отходили в стороны, не нарваться бы, при дворах выживают только те, кто безошибочно чувствует, к кому когда можно подойти, а к кому ни в коем случае.

Ашворд появился словно из ниоткуда, красиво и по-дружески подхватил под руку, до предела галантный и невероятно учтивый, отвел слегка в сторону.

– Сразу в дела? – поинтересовался он с недоумением, как мне показалось, акцентированным. – А отдохнуть?

Не глядя, он протянул руку в сторону и ловко снял полную чашу с подноса проходящего слуги. Тот остановился на точно рассчитанное мгновение, чтобы я взял тоже, Ашворд ждал меня, вино в его сосуде, как говорится, с горкой, но не пролил и капли, хотя здесь расплескать, как, впрочем, и везде, в порядке вещей.

– Отдых, – сказал я, – это смена одного безделья другим. Но вообще-то отдыхать надо так, чтобы потом долго не хотелось.

Он улыбнулся.

– Вам так удастся?

– Как видите!

Он кивнул, поставил чашу на поднос скользящего мимо другого слуги, опять же опустил ее не глядя, то ли настолько оцаредворен, то ли у него особое чутье, и потому видит и понимает больше, чем показывает.

Слуга повернулся ко мне, я поставил свой кубок нарочито криво и со стуком. Губы Ашворда чуть дрогнули в улыбке, но я не понял: то ли доволен своим превосходством, то ли все-таки заподозрил, что я не такой уж и бесхитростный и безбашенный простофиля, каким стараюсь казаться.

– Ваша светлость, – произнес он и улыбнулся несколько виновато, – вы и были вашей светлостью до пожалования вам титула герцога... Жаль, не существует разницы в обращении к маркграфу и герцогу!

Он сделал многозначительную паузу, я все понял, но ответил с подчеркнутой беспечностью:

– Да какая ерунда все эти обращения!

– Не скажите, – возразил он. – Вот если бы к вам обращались «ваше высочество»...

Он снова умолк, давая мне возможность отреагировать на неоконченное, по такой реакции меня понять будет проще, но я снова отмахнулся с пьяной беспечностью.

– Сэр Ашворд! Я уже знаю, что чем выше титул, тем больше обязанностей. Только дураки думают, что чем выше, тем больше удовольствий... На самом деле это крестьянин, отпахав день, дальше может валять дурака, а правитель пашет с утра до ночи, да и ночью мерещится управление государственным кораблем при встречном ветре, нападающих кракенах и падающих мачтах... Вижу по вашему лицу, вы это знаете прекрасно, но не знали, что знаю и я. Так

что успокойтесь, у меня нет амбиций. Хотя вру, есть, но я не готов разгрести все ваши авгиевы конюшни... Мои бы кто разгрел!

В зал вошел бодрый и подтянутый граф Гатер, глаза сияют, лицо горит энтузиазмом.

– Ваша светлость, отряд уже садится на коней!

– Иду, – ответил я. Он заспешил к дверям. Я повернулся к Ашворду: – Вот видите, уже начинаю разгрести. А я еще там не разгрел, в Сен-Мари!

Он улыбнулся, но голос звучал очень серьезно:

– Не надорвитесь. Молодые и горячие еще не умеют распределять силы.

Я поинтересовался с достойной надменностью:

– Разве я не мудр хотя бы с виду?

Он покачал головой.

– Увы, сэр Ричард. Если честно, то еще как не мудр. Да вы это и сами чувствуете.

Глава 5

Во дворе половина рыцарей уже в седлах, другие разговаривают со своими конями, глядят их и суют кусочки сахара. Возле конюшни работники опасливо ходят вокруг арбогастра, а он горделиво потряхивает гривой и время от времени звонко постукивает копытом в выложенную булыжником площадь. Всякий раз летят длинные искры, а гранитный камень с сухим треском раскалывается на части.

– Не балуй, – велел я издали. – Где Бобик?

Со стороны подсобных помещений послышался испуганный крик, оттуда мчится огромный Адский Пес, но морда довольная, сытая, а глаза уже не глаза, а щелочки, будто у зверски покусанного пчелами медведя.

Граф Гатер застыл, напрягся, оставшиеся на земле рыцари поспешно поднимались в седла и поджимали ноги. Кое-кто даже опустил на всякий случай забрало.

Бобик попытался лизнуть меня в лицо, я не дался, он взвизгнул обиженно и принялся с интересом рассматривать рыцарей. Арбогастр подошел красиво и гордо, я вскочил в седло, Зайчик нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

Среди рыцарей я заметил лорда Моргана Гриммельсдэна из клана Горных Рыцарей, он почтительно поклонился издали, но приближаться не стал. Конь под ним крупный, но без лишнего жира и даже мяса, весь из толстого костяка и тугих объемных жил.

Я ответил на поклон, рядом граф Гатер поднялся в седло последним, показывает выдержку перед страшным Псом.

Я подъехал к нему ближе, улыбаюсь, мы же одно братство, спросил небрежно:

– А что за дорога впереди?

Он пожал плечами.

– Ничего особенного.

– Тут все особенное, – возразил я. – Побываете в Гандерстейме, ахнете! Целая страна, а ни одного ущелья, ни одной горы.

Он посмотрел с недоверием.

– Неужели бывают такие сказочные страны?.. Или вы говорите о рае?

– В том раю могут быть и ваши земли, – подчеркнул я. – Так что лед тронулся! А нам не придется карабкаться на какую-нибудь стену? Здесь, как я понимаю, это в порядке вещей?

Он улыбнулся.

– Не думаете же вы, что герцог Хорнельдон опускал своего коня на веревке?

Я хлопнул себя по лбу.

– Что за дурак! Ну, конечно же... Раз они добирались конными... Выступаем?

Он напомнил:

– Вы наш вождь. Распоряжайтесь.

Я приподнялся в стременах и прокричал:

– Ваше Величество, спасибо за гостеприимный прием!.. Знаменоносцы, вперед! Трубач, не спи!

На широком опоясывающем дворец балконе король Херлуф наблюдает за нашим отъездом, с ним Ашворд и другие придворные, на лицах облегчение вперемешку с озабоченностью.

Король помахал платочком, народ поспешно шархнул к стенам, но выбегают все новые горожане, всем надо обязательно посмотреть на нового герцога, чтобы потом всласть перемыть ему косточки.

Так мы ехали до самых городских ворот, а уже за нами молодые рыцари, что вызвались быть в первой группе, пришпорили скакунов.

Сразу за городом навстречу идут верблюды, дикие и косматые. При них такие же погонщики, мне показалось по их виду, что вовсе не знают человеческого языка. По обе стороны дороги зеленые поля, сады, но затем пошли камни и песок, и мир начал выглядеть таким, как и миллионы лет тому назад.

Дальше дорога пошла через могильную пещеру некоего пророка, он должен был вознестись в небо, но вместо этого тяжелый мраморный гроб провалился, открыв спуск в неизвестную ранее цветущую долину Альгальды. Другого пути в нее нет, да и вообще на север Вестготии не попасть иначе, как только через эту могилу. Ее, правда, теперь расширили, а дальше, когда долину стиснут с обеих сторон отвесные скалы, черные, словно из ада, идти надо извилистой и опасной ложиной, где издавна поселились ужасающие чудовища.

Я слушал внимательно, граф Гатер едет рядом и вполголоса рассказывает как о герцогстве Вельденском, так и вообще о Вестготии.

На небольшом перевале нас встретил легкий ветер снизу. Тоже с трудом поднимается наверх, мы ощутили ароматы душистого клевера, сырой земли, где только что прошел летний дождик, короткий и нестрашный, а когда начали спускаться в долину, там красиво и тревожно пролегли длинные призрачные тени от далеких гор.

Среди этих теней стремительно мелькнула одна с зазубренными крыльями. Я вскинул голову – в сияющей синеве кружит нечто вроде орла, но когда солнце оказалось сзади, крылья вспыхнули, как цветное стекло с темными прожилками гибких костей, а острые когти на концах этих удлинённых пальцев с перепонками сверкнули подобно отточенным ножам.

Мы мчимся по извилистой дороге, а эта тварь неспешно снизилась и, все так же нарезая круги, внимательно рассматривала отряд, словно пересчитывала.

Гатер вскинул брови, когда я потащил из-за плеча лук, быстро посмотрел вверх, потом на меня.

– Не достать, – сказал он с сожалением.

– А хотелось бы?

– Еще бы, – ответил он.

– Умный человек отличается тем, – обронил я, – что умеет не понимать.

Я отточенными движениями медленно натянул тетиву, вытащил стрелу, а сам всматривался в гибкую фигуру крылатого зверя. Кожа светлая, с пятнами, как у пантеры, морда тоже кошачья, только уши длиннее и с кисточками, как у рыси.

Наши взгляды встретились, я вздрогнул, ощутив импульс бешеной ненависти. Ненавидеть, как мне казалось, может только человек, а звери просто питаются друг другом, но этот смотрит с неистовой злобой, словно именно я причинил ему какое-то смертельное зло или жутко обидел...

– Мерзкая тварь, – сказал Гатер вполголоса. – Очень живучие, хитрые, стараются напасть со спины. На закованных в доспехи никогда не бросятся, а вот если подстерегут, когда разденешься перед купанием в озере...

– Долго ему придется ждать, – заметил я. – У нас в отряде одни мужчины! Настоящие.

Он хмыкнул, оценив шутку, а пятнистый зверь снизился еще чуть, прошел по кругу, но голову поворачивал, постоянно держа в прицеле глаз именно меня, словно танцует с девушкой лезгинку.

Я быстро вскинул лук, рывком натянул тетиву и моментально отпустил. Щелкнув тетивой по пальцам, стрела исчезла, зверь дернулся и запоздало ударил с силой крыльями по воздуху, но трехфутовое древко с острейшим стальным наконечником садануло с такой силой, что подбросило легкое тело, будто по нему ударили дубиной.

Зверь дико завизжал, превратился в ком судорожно трепыхающихся крыльев, барахтающихся лап, а извивался так судорожно, хватая древко стрелы острыми зубами, что я на всякий случай наложил на тетиву вторую стрелу.

Рыцари радостно закричали. Бобик сделал гигантский прыжок, но я заорал:
– Стоять!.. Сидеть!..

Бобик поспешно плюхнулся толстым задом на землю. Крылатый зверь ударился о землю в десятке шагов от нас, но и там продолжал подпрыгивать, пытался уползти в придорожные кусты.

Один из рыцарей пустил коня вскачь и с силой пригвоздил трепыхающуюся тварь копьём к земле. Зверь медленно затих, судорожно сжатые лапы распрямились, когти острые, загнутые, глаза заволакивает дымкой смерти, но даже в таких я видел жгучую ненависть и жажду убивать.

– Какая мерзость, – сказал я, – из породы кошачьих, к счастью...

– Почему? – спросил Гатер.

– Разве не видно, что это кошка?

– Нет, я спросил, почему к счастью?

– Живут поодиночке, – объяснил я. – Если бы умели сбиваться в стаи, как волки, нам пришлось бы туго... Бобик, ко мне! Гуляй, собачка, гуляй.

Снова тронулись в путь, только один из рыцарей приотстал, я видел, как он соскочил с коня, быстро и умело отрезал голову крылатого хищника, торопливо сунул в мешок.

Догнал он довольный, такой трофеей можно и на стену в замке. Это намного лучше, чем привычные олени головы, кабаньи или даже медвежьи.

Бобик все расширяет круги, неумоимо исследуя новый мир, граф Гатер едет со мной рядом и все так же обстоятельно просвещает по истории, экономике и социальному составу Вестготии, а географию и так вижу, по чудовищным разломам можно изучить геологию.

К остальным присматриваться затруднительно, едут позади, пару раз переходил на запаховое, старался увидеть их вот так, не поворачивая головы, и кое-что в самом деле узнал интересное.

Двигаемся колонной по двое в ряд, дорога пока что позволяет, а беседовать так удобнее, короткая длинный и однообразный путь. Замыкает нашу колонну барон Гедвиг Уроншид, первый принесший мне здесь вассальную клятву, как же, помню. Не знаю, что он за человек, но к нему чувства самые теплые, это и понятно...

С бароном юный оруженосец, хрупкий и еще безусый, а вообще я заметил, что и в Вестготии большинство рыцарей старается обходиться без них. Правда, не всегда удается: рыцари предпочитают своих детей воспитывать не сами из боязни избаловать, а отправляют ко дворам наиболее прославленных и доблестных рыцарей, где уж точно им не будут давать поблажки и где воспитают настоящих мужчин, стремящихся к чести и подвигам.

Я сказал графу:

– Продолжайте путь, я немного пообщаюсь по дороге с рыцарями. Как говорится, приятное с полезным в одном кубке.

Он кивнул, я отстал, пропуская всех мимо. Барон Гедвиг учтиво поклонился, я воспользовался поводом и, отвечая на поклон, сказал шутливо:

– Приятно видеть, когда с детства обучают рыцарским манерам и воинской доблести. Ваш оруженосец уже принимает участие в битвах?

Он ответил поспешно:

– Нет, мой лорд. С семи лет носил за мной шлем, а теперь носит щит. Когда исполнится семнадцать, получит меч и право сражаться.

– А сейчас ему сколько?

– Четырнадцать.

Я окинул внимательным взглядом оруженосца, тот сразу же застеснялся и покраснел так жутко, как удается только невинным деревенским детям, что редко видят чужаков.

– Он хорош, – сказал я одобрительно. – Для четырнадцати лет развит весьма, весьма. К семнадцати уже будет крепкий воин. Как зовут этого молодца?

– Джон Фонтэйн, – ответил барон поспешно.

Оруженосец торопливо кивнул, подтверждая, что да, он Джон Фонтэйн и никто другой.

– Хорош, – повторил я.

Оба с оруженосцем смотрели с вымученными улыбками, я кивнул благосклонно и догнал сэра Генриха. Он, заметив мой интерес к рыцарям, начал давать характеристики, начиная с молодого барона Гедвига Уроншида, с которым я беседовал только что так обстоятельно. Этот барон, оказывается, весьма и красиво тоскует по некой прелестной даме. Его сердце разбито, он страдает, но вообще-то это очень приятная болезнь для человека, имеющего во владении земли Ивоншира, с которых получает приличный годовой доход.

Я поинтересовался:

– А вы сейчас свободны от такой напасти?

Граф сказал бодро:

– Ухаживая за женщинами, мы подсушиваем дрова, которые будут гореть не для нас! Нет уж, если я когда-нибудь умру из-за женщины, так разве что со смеха.

– Достойные слова, – одобрил я. – Рыцарь может умирать только за своего сюзерена. И за Отечество, которого нет, но которое будет!

Он сказал почти благочестиво:

– Все от Бога, за исключением женщины.

Из-за высокого леса медленно выплыли стены и башни замка из белого радостного камня. Я хотел сказать, что там живут счастливые люди, как дыхание оборвалось в груди: от замка только половина, словно некто огромный и безжалостный ювелирно точно распилил его от верхушки крыши и до фундамента, ухитрившись не разрушить.

Лес ушел за спину, рыцари поглядывали на чудесно уцелевшую часть хмуро, хватались за амулеты. Дорога огибает замок, я увидел внутренние помещения, словно замок не настоящий, а гигантская модель в разрезе, вот даже мебель в половинках комнат...

По нервам прошла дрожь, от роскошной кровати только треть, но никаких следов разбоя.

Я пробормотал:

– Как?..

Граф правильно понял вопрос, но лишь пожал плечами.

– Простите, сэр Ричард. Никто не скажет, как. Не скажут даже, кто. Однажды случилось так, вот и все. Даже неизвестно, воля злого волшебника или... как говорят умники, стечение звезд на небе.

– А хозяева?

– Исчезли, – ответил он и, предупреждая следующий вопрос, уточнил: – Все исчезли. Слуги, челядь, даже кони и куры.

Неведомая бритва, судя по всему, врубилась и в землю на большую глубину, с той стороны глубокий овраг, густо заросший травой, кустарниками и даже деревьями, чьи верхушки достигают верха.

Я вздохнул и подумал вяло, что у меня других забот выше крыши, чтобы разгадывать эти аномалии. Главная из них – ни один король и даже император не обладает средствами, контролем и даже самой простой и надежной связью, чтобы управлять далекими землями. Выход один: ухитриться превратить местных феодалов в союзников, заинтересовать их в успехе начинаний сюзерена, пообещать соблюдать их интересы в обмен на клятву соблюдать интересы правителя.

Потому, если я пусть не король, но хотя бы майордом, должен находить общие задачи для себя и вассалов, чтобы добычу получали мы все. Пока что нахожу: сперва избрание гротсграфом прекратило кровавую междоусобицу в самой Армландии, потом я сумел повести эту воинственную толпу на захват чужих владений в богатом и ничего не подозревающем королевстве, а сейчас обещаю обширные земли с местным населением в Гангерсгейме...

Это объединило с армландцами брабандцев и даже ундерлендцев, а еще, как уже вижу, могу привлечь волонтеров из Вестготии...

А что дальше? Чтобы сохранять авторитет и власть? Постоянные захваты соседних владений? Как не смогли остановиться Александр Македонский, Чингис, Атилла?

Или объявить всеобщий крестовый поход на Юг?

Но мешает такой пустячок, о котором я сам благополучно забываю, потому что больно бьет по самолюбию. Вторгаться на Юг, а тем более – объявлять крестовый поход, как говорится, если очень куртуазно, не по чину. И не по титулу. Крестовые походы начинали короли, сами и вели войска, а я далеко не король. Правда, есть прекрасный прецедент, когда герцог Вильгельм посадил на корабли уже офранцузившихся норманнов и перебросил через морской пролив в Англию, где в битве под Гастингсом одержал блистательную победу над тамошним королем, после чего захватил всю Англию. Почти всю.

Интересно, что он оставался вассалом французского короля, хотя захватил страну с территорией и населением побольше самой Франции. Ну, как и я вассал короля Барбароссы.

В общем, и Вильгельм был уже герцогом и захватил всего лишь Англию, а не то, на что могу напориться я. Насколько велик южный континент по ту сторону океана, до сих пор не знаю. Так что мне в самом деле нужно войти в права герцога, укрепиться, расставить локти пошире, а лишь потом разевать варежку. Да и то осторожно.

Граф Гатер сказал громко:

– Вон с того холма увидим гостиницу Шести Мечей!

– Прекрасно, – отозвался я. – Едем даже быстрее, чем планировали?

– Кони отдохнули, – согласился он, – пока вас ожидали. Это правда, что Камень Яшмовой Молнии у вас?

– У меня не только он, – ответил я скромно и загадочно.

Его лицо осветилось любопытством.

– Как же интересна, должно быть, жизнь в Сен-Мари!

– Интересной ее делаем мы сами, – сообщил я.

Глава 6

Над лесом взвился темный густой дым. Мы пришпорили коней, дорога дважды бросила непонятные петли, но наконец выметнулись из-за стены деревьев на простор.

В лица пахло гарью. Жарко горят дома, сараи, амбары, овины, клетки, истошно ревет запертый скот. Люди мечутся с криками, лишь самые находчивые схватили багры и топоры, а кто-то бросился с ведром к колодцу.

Навстречу нам буквально из пламени выбежала перепуганная девочка лет пяти, вся в саже, в коротком дымящемся платьице.

Барон Уроншид на скаку подхватил ее на руки и сказал одобрительно:

– Да ты герой!.. Целый город спалить – здорово...

Она залилась слезами.

– Это не я!

Граф Гатер сказал с укором:

– Разве девочек так подбадривают?

Барон пробормотал виновато:

– Я думал, это мальчишка.

Мы слезли с коней, крестьяне сразу перестали суетиться, послышались крики облегчения, и в самом деле удалось одних заставить разбирать горящие сараи, других сбивать огонь, а третьих выстроили в цепочку с ведрами у колодца.

Пожар погасили сравнительно быстро, граф Гатер велел всем нашим в седла, да побыстрее, и мы понеслись галопом, наверстывая упущенное время.

Дорога выгибается, петляет без видимых причин, к чему никак не привыкну и уже начал бороться. Мимо проползают зеленые складки холмов, торчат одинокие скалы, мертвые и враждебные этому миру, иногда дорогу пытается азартно преградить веселый ручей, а из травы выскакивают крупные, как лягушки, кузнечики, а еще взмывают с жестяным треском крыльев стрекозы.

Граф поинтересовался:

– Кстати, ваша светлость, вы... один?

Я засмеялся, поняв вопрос, но отвечать не хотелось, я ответил беспечным голосом:

– Зачем один? С вами.

Он тоже улыбнулся, все понял, но все же спросил настойчиво:

– Без жены?

– Неужели я так стар?

– Нет, но многие женятся рано, дабы упрочить... в общем.

Я покачал головой.

– Увы, еще не нашел ту, единственную...

Он спросил скептически:

– И как вы ее узнаете, свою единственную?

Я буркнул:

– По сердцебиению.

Он подумал, сказал с уважением:

– А что, в самом деле прекрасный способ... Тем более сколько женских постелей надо поменять...

Сэр Морган прислушался, возразил:

– Ну при чем тут постели? Спать с женщиной можно и в стогу. Или в лесу под деревом.

Ему тут начали подсказывать еще тысячи разных мест, все оживились, я сказал сердито:

– Что-то вас не туда занесло. Тоже мне, благородное сословие!

Багровое солнце утопает, скрываясь в пышности воздушно-пурпурных гор, небосвод на западе раскалился докрасна, вспыхнули и заискрились грозным оранжевым огнем облака.

На стальные доспехи пал грозный отблеск заката, лица воинов кажутся чугунными, а в глазах отражается красное пламя. Адский Пес выметнулся из-за скал, поглядел жутко внимательно и снова исчез.

Я беззвучно охнул, из-за поворота свернувшей дороги появился потрясающих размеров рубин величиной с трехэтажный дом, яркий и сверкающий. Во все стороны, в том числе и к нам, ударил победный пурпурный свет, доспехи окрасились в радостно-победный цвет.

Граф покосился в мою сторону, улыбка тронула губы, когда увидел выражение моего лица.

– Ну как?

– Что это? – выдохнул я.

– Лед, – ответил он.

– Лед? – переспросил я ошарашенно. – На таком солнце?

– Лед, – повторил он. – Осколок тех времен, ваша светлость, о которых не могут вспомнить даже летописи. Если потрогаете эту штуку, пальцы застынут от холода. Приложите ладонь – не сразу и отдерете. Ну, а кто рискнет постоять рядом долго, легко может замерзнуть до смерти...

Отряд проехал мимо, темно-багровое облако надвинулось на солнце, глыба льда тоже потемнела. Наверное, ночью просто темная, в темноте можно стукнуться лбом сослепу.

Кони поднялись на холм, пологий, но длинный, оттуда хорошо виден перекресток дорог, а в самом удобном месте высится двухэтажный дом с большим огороженным двором.

– Она? – спросил я.

Граф кивнул.

– Да, «Гостиница Шести Мечей».

– Там хорошо кормят, – напомнил я его слова, – а вино всегда превосходное. Проверим.

Он сдержанно и польщенно улыбнулся.

– У вас прекрасная память, ваша светлость!

– Такая необходима правителю, – пояснил я. – Чтобы при случае напомнить. Обещали, дескать, и... не исполнили.

Он учтиво поклонился.

– Надеюсь, себя упрекать не дам повода.

Заметив нас издали, к воротам выбежали двое подростков и торопливо распахнули навстречу створки. На крыльцо вышел дородный хозяин, оглянулся через плечо, крикнул строго и повелительно.

Мы соскакивали на землю, парнишки приняли коней, привычная суматоха, затем все нестройным стадом отправились в харчевню.

Постояльцев немного, свободных мест столько, что благородным господам можно было выбрать по комнате, пусть и крохотной, а оруженосцам и слугам выделили большую комнату.

Я видел, как нервно переглядываются барон Гедвиг и его оруженосец, мальчишка совсем побледнел, глаза тревожные, оглядывается затравленно.

Я подошел, хлопнул барона по плечу и сказал благожелательно:

– Понимаю вас, сэр Гедвиг, слуги должны располагаться в помещении для слуг, но ваш оруженосец не обучится там благородным манерам. Я бы просил вас взять его в свою комнату.

Он дернулся.

– Ваша светлость...

Я перебил:

– Понимаю, это ущемляет ваше достоинство барона, но этот ваш оруженосец хоть пока и не рыцарь, но будет когда-то. И станет быстрее, если больше проведет времени с людьми благородного сословия, а не с конюхами.

Он судорожно перевел дыхание, я видел боковым зрением, с каким напряжением слушает меня оруженосец.

Барон проговорил, запинаясь:

– Как скажете, ваша светлость...

– Принимайте это, – сказал я, – как мой первый приказ вам лично.

– Да, ваша светлость...

Они пошли на второй этаж, оба одновременно оглянулись с верхней ступеньки, но я уже не смотрел вслед.

Во дворе все еще занимаются последними лошадьми, я по-хозяйски осмотрел, как устроили наших коней, чистой ли водой собираются напоить, что за ячмень в яслях.

За спиной захрустели тонкие веточки под тяжелыми сапогами. Я резко оглянулся, граф Гатер вскрикнул поспешно:

– Это я, я!

Я сказал недовольно:

– Ну что вы все следите за мной? Могу же я, как любой из вас, немножко пройтись по самкам?

Граф Гатер сказал смущенно:

– Я не видел здесь ни одной женщины...

– Женщины! – передразнил я. – Какая ограниченность!.. Вам только дам подавай. Прямо как животное какое. Никакой фантазии.

– Ох, ваша светлость...

Я отмахнулся.

– Ладно-ладно, я в самом деле уже шел спать.

Комнату я занял один, хотя желающих разделить со мной вызывалось немало, но я могу всю ночь пропялиться в окно, мне на сон нужно всего пару часов, и неловко объяснять, что, дескать, спите-спите, сэр, ваш жуткий храп совсем не причина моего бодрствования.

Небо чистое, звездное, я посматривал на него со смутным беспокойством. Не знаю, отчего у меня такие тревожные с ним ассоциации. Луна медленно проявляется, пока еще едва заметная, прозрачная, как тающий во рту леденец, но скоро наберется зловещего мертвенного блеска, озарит мир призрачным светом, который так любят танцующие по ночам феи.

Бобик повозился у моей кровати, поднял голову и посмотрел с недоумением.

– Спи, – сказал я с неудовольствием, – еще и ты будешь меня контролировать, морда.

Он уронил голову на лапы, в самом деле заснул крепко и мирно. Странно, мелькнула мысль, вампиры и прочая нечисть особенно набирают мощь в полнолуние. Не в новолуние, когда луны вообще не видно, а именно в полнолуние, когда луна во всем объеме, но скрывается за тучами.

Рассердившись – ну что за чувствительный такой, мужчина должен быть по впечатлительности чуточку похож на обух топора, я лег и попытался заснуть, что удалось не сразу. И даже не понял, что уже сплю, только вот иду через зал пугающе огромных размеров, я в нем просто муравей, везде темно, мрачно и страшно, только полоска лунного света впереди, я иду по ней, по телу трепет, а там, вдали под стеной, высится черный с ледяными блестками трон, отвратительный, но от него волнами струится мощь, ослабляет мое и без того трусливое сердце.

Я шел на ватных ногах к трону, на сиденье – только роскошная алая подушка с золотыми нитями. На ней – черная корона с зубчиками и одним-единственным рубином, но размером с куриное яйцо, что должен помещаться над серединой лба.

С грохотом распахнулась в стене дверь, из черноты появились темные фигуры в балахонах, капюшоны надвинуты на лица. Раздалось нестройное, но встряхнувшее меня пение, злое, могучее, невероятно порочное.

Фигуры выдвигались рядами по двое, выстроились перед тронном, громкий голос выкрикивает что-то знакомое, я не уловил слов, пока не сообразил, что это обычные молитвы, которые читают задом наперед...

Голоса становились громче и громче, возник грохот барабанов, начал сотрясать стены. Невидимые трубы режут, не переставая, я пытался сделать шаг вперед, ноги не слушаются, однако я должен пересилить себя и ухватить ту черную корону...

Я вздрогнул и пробудился. Из окна доносятся со двора бодрые голоса, фыркание коней, плеск воды у колодца. Бобик поднял голову, сонно зевнул.

– Все в порядке, – заверил я. – Ты молодец, всех отогнал.

Сердясь на свое малодушие, пусть и во сне, я торопливо оделся, сотворил чашку горячего кофе, вылакал быстро и выскочил наружу. Большинство уже в харчевне утоляют зверский молодой аппетит, голоса веселые, хохот, стук кружек по столу, крепкие шуточки.

Граф Гатер отодвинул пустое блюдо с обглоданными костями и ребрышками, сыто рыгнул и вежливо осведомился:

– Как вам здесь?

– Кормят в самом деле неплохо, – сказал я.

– А вино?

– И вино весьма.

Я сел к нему за стол, сосредоточился, представил вкус, аромат, пальцы стиснули стеклянную бутылку. У графа глаза полезли на лоб, я покосился по сторонам, не заметил ли кто; тугая темно-красная струя красиво изогнулась, переливаясь в кубок графа.

– Отведайте, – предложил я.

Он смотрел, не дыша, как я налил себе, затем нерешительно поднял кубок. Ноздри широкого носа задвигались, улавливая полужнакомые ароматы, затем граф сделал осторожный глоток... Потом еще и еще, все ускоряя движения, наконец осторожно поставил пустой кубок на столешницу.

Глаза стали еще шире, он нагнулся к столу и шепнул:

– Ваша светлость... воруете из рая?

– Ах, – сказал я, засмуцавшись, – граф, вот окажетесь в Сен-Мари, там чего только не увидите!

Он поглядывал, как я допил свое вино, словно воду, никакого трепета перед таким изыском, вздохнул.

– Ох, сэр Ричард... что вы с нами делаете!

Я засмеялся, закончил с завтраком и вышел во двор. Челядь суетится, рыцари и оруженосцы седлают коней, только Джон Фонтэйн, оруженосец барона Гедвига Уроншида, все еще сидит на ступеньках и торопливо начищает до блеска кирасу барона.

Я проходил мимо, он вскочил и сказал торопливо:

– Милорд, огромное вам спасибо!

Я удивился:

– За что?

– Вы не отправили спать вместе с конюхами!

Я отмахнулся:

– Пустяки. Если возникнут какие-то щекотливые моменты... ну, ты понимаешь, Джон... обращайся.

Он дернулся, лицо на мгновение напряглось, брови сдвинулись над переносицей.

– Милорд... я не понял... О чем вы?

Я ответил так же легко и небрежно:

– Всего не предусмотреть, потому я пока просто ни о чем. Но если возникнут какие-то затруднения, обращайся без стеснения. Я помогу. И ничего не спрошу.

Он смотрел исподлобья, покосился по сторонам и спросил очень тихо:

– Но у других же не возникает затруднений.

– То у других, – ответил я с улыбкой.

Я кивнул и прошел было мимо к Зайчику, но вскоре услышал за спиной быстрые шаги. Джон догнал меня, щеки алые, спросил тихохонько, задыхаясь и воровато поглядывая по сторонам:

– Милорд, ваши слова смущают и тревожат до глубины души... Вы меня в чем-то заподозрили?

Я удивленно покачал головой:

– Нет, конечно. И никто, думаю, не догадывается, что ты не Джон, а, видимо, Джоан. Думаю, им и не стоит знать.

Он охнул и широко распахнул глаза, ну не могут быть у мальчишек такие огромные и чудесные, да еще с такими длинными загнутыми ресницами.

– Ваша светлость...

Я сказал успокаивающе:

– Тихо-тихо. Это не мое дело, я вмешиваться не собираюсь. И вообще я ничего не видел.

Это ваши с бароном тайны.

Она сказала потерянно:

– Но как вы... поняли? Ведь вы еще вчера... когда не разрешили идти в общую комнату, где спят вповалку...

Я сказал отечески:

– Тебе не четырнадцать, а все семнадцать, верно? Как маг высшей гильдии я учуял твои феромоны... неважно, что это, просто учуял. Другие не учуют, не беспокойся. Это я один весь из себя такой чувствительный, что хоть стихи пиши. А пока отнеси барону кирасу. Ты правильно сделала... сделал, что чистишь на крыльце. Все должны видеть твое усердие.

Глава 7

Утро, солнце только карабкается наверх по небосклону, но вокруг изломанно-жаркое море скал, похожих на надгробные памятники, и надгробные памятники древних народов, похожие на скалы.

Слева от дороги земля пошла вниз, сперва полого, затем уже настоящий обрыв, пока наконец он не ушел настолько вниз, что в глубине все покрылось плотным туманом. Я полагал, что дело в расстоянии, там низина, а мы на высоте, но граф Гатер поглядывал хитро, поинтересовался:

– В Сен-Мари такого нет?

– Какого, дорогой граф?

Он ответил любезно:

– Это и есть Земля Вечного Тумана. Отсюда кажется плотным, но на самом деле там еще плотнее. Как сметана! Пальцев на вытянутой руке не видно...

– И что, – спросил я недоверчиво, – так бывает часто?

– Так всегда, – ответил он с гордостью, словно сам накрыл долину таким плотным одеялом. – Это же та самая Земля Вечного Тумана!

– Ага, – сказал я, – та самая. Тогда понятно... Но если там туман не проходит, ужас какой, это же и ночью такое?

– Да.

– Чего народ оттуда не убежит?..

Он покачивался в седле, красивый и нарядный, совсем не страдая от жары, глаза блестят весело и задорно.

– А зачем? – спросил он хладнокровно. – Как ни странно, местные считают долину вполне сносным местом.

Я спросил с недоверием:

– В самом деле? Что за чудаки?

– Там не бывает засухи, – объяснил он, – туман спасает. Лето совсем не знойное, а зима благодаря туману короткая и теплая. Урожай всегда обильные. Если вторгается враг, легко становится добычей местных, уже приспособившихся жить в таком вот счастье. Скот дает обильный приплод, коровы приносят по два теленка, не говоря уже об овцах, у тех два ягненка – дело обычное. Так что они по-своему счастливы. А что солнца не видят... ну, за безопасность и изобилие чем-то надо платить. В общем, человек может приспособиться к любой жизни.

Я в изумлении pokrutil головой.

– Здорово. Раз так, то от моей просвещенной тирании никуда не денутся.

Он изумился:

– Просвещенной? Вы грамотны, ваша светлость?

– Ну, – сказал я в затруднении, – как сказать... Истинно просвещенный человек никогда не воюет. Но разве то жизнь?

Он с облегчением вздохнул:

– Я так и подумал.

Я посмотрел на него дружески – мы же одна каста рыцарей, мужское братство благородных людей, подумал, что Вестготия и Сен-Мари похожи и близки не только территориально, но и по уровню социальных отношений, можно сказать, народы-братья. На это и буду упирать в своей политике интеграции. Пока умолчу, что если братаются два народа, значит, идут против третьего.

Третий – это не народ, это весь Юг, потому пока будем говорить о всеобщем братстве, о Юге пока рано. Но Вестготии и Сен-Мари исторически суждено было вместе, несмотря на разделивший их геологический катаклизм.

Сводит королевства воедино Бог, короли всего лишь подписывают договоры. Так что я не больше, чем орудие Господа! В который раз.

Прислушиваясь к разговорам рыцарей, снова отметил, что никто ни разу не упомянул Творца или Христа, ни разу не перекрестился, да и церквей нигде не вижу, а должны бы уже попасться.

Дети и весьма молодые юноши, склонные к бунтарству против всего мира взрослых, всегда утверждают, что церковь им не нужна, что им достаточно веры, а в этом случае не нужны посредники. Они предпочитают общаться с Богом напрямую, так как Господь везде и слышит каждого.

Долгое время и я так считал.

Копыта сухо стучат по твердой почве, долина выглядит загадочной, даже таинственной. Справа идут одинаковые холмы, за ними черные отвесы гор. Ветерок слабый, настоящий на дневных травах.

Небо синее, только одно одинокое облачко сиротливо оранжевеет, быстро растаивая, как утренний пар.

Издали увидели столб багрового с черным огня, словно горит нефть, но пламя бьет в небо слишком мощно, будто выстреливают им под большим давлением.

Рыцари даже не обратили внимания, значит, насмотрелись, привыкли, и я не стал задавать глупых вопросов. Горит, ну и горит. Значит, так надо.

Проехали через небольшую деревушку, народ на всякий случай попрятался, завидев большую группу вооруженных мужчин. По дороге встретили стадо овец, граф Гатер зловеще завыл волком, овцы в испуге шарахнулись в сторону, начали перепрыгивать через небольшой заборчик.

Граф на ходу с довольным хохотом подхватил молоденького кудрявого ягненка:

– Это нам на ужин!

Бобик посмотрел на него очень внимательно и ринулся в лесок, мимо которого идет дорога.

– Ну, – сказал я, – держитесь, дорогой граф...

Он умело зарезал ягненка, деловито передал его рыцарям и повернулся ко мне с заинтересованностью на красивом мужественном лице.

– Держаться? Меня что-то ожидает?

– Увидите, – пообещал я зловеще.

Первым Бобик притащил молодого оленя. Мне даже не пытался совать, уже знает, не возьму, ринулся к графу Гатеру. Тот неосторожно одобрил охотничий пыл Адского Пса, мол, какой молодец, и тут же Бобик сунул ему тушу оленя прямо в колено.

Граф опешил, а Бобик уперся передними лапами в конский бок и подал добычу прямо в руки. Граф невольно подхватил, чтобы не соскользнула, Бобик тут же опустил на землю, вильнул хвостом и унесся прочь.

– Э-э-э, – сказал граф неуверенно, – чего это он... мне?

– Уважает, – объяснил я.

– Но... это же ваш пес...

– Я хозяин, – объяснил я. – Меня любит, как отца родного, а вас... уважает. Вы же показали себя охотником, забыли? Сейчас еще принесет.

– Господи, да это охотничий пес!

– Все увидите, – пообещал я многозначительно.

Бобик буквально через несколько минут притащил кабана, да не молоденького порося, а весьма могучего вепря, с той же легкостью забросил к побледневшему графу на луку седла. Граф еще не успел избавиться от оленя, все рассматривал добычу, пересчитывал отростки на рогах, охнул и взмолился, чтобы ему помогли.

Рыцари ржали громче их коней, но графа разгрузили как раз вовремя: Бобик притащил двух толстых гусей, затем молодого жирного барсука, исчез на некоторое время, а затем примчался весь мокрый, в зубах бешено извивается и во все стороны хлещет хвостом с длинными ярко-красными перьями и такими же красными плавниками огромная рыба.

– Берите, граф, – сказал я весело, рыцари снова заржали, съехались со всех сторон и смотрели, как сцепивший зубы граф старается ухватить эту скользкую тварь, – как вас мой Бобик уважает... как охотник охотника.

– Да, – поддакнул один из рыцарей, – они и похожи!

Бобик великодушно удерживал рыбину, пока граф пытался с нею справиться, наконец барон Уроншид ухитрился вонзить кинжал ей под жабры и поспешно передал рукоять графу.

Рыбина еще трепыхалась, хоть и совсем слабо, когда Бобик притащил вторую, на этот раз короткую и толстую, похожую на деревянную колоду, на которой рубят свиньям мясо.

– Да где он таких берет? – воскликнул граф потрясенно. – Я этих чудовищ отродясь не видывал!

– Охотник, – пояснил я. – Ему, как и вам, интереснее поймать что-то редкое...

– Но где тогда...

Он умолк на полуслове – в двухстах ярдах от нас мчится всадник на взмыленном коне с дикими глазами, пригнулся к лошадиной гриве, то и дело оглядывается.

Мы следили за ним с вялым интересом, вроде бы убегает, хотя погони не видно, впрочем, по его следу поднялось целое желтое облако, но далековато...

– Вон они, – вскрикнул граф Гатер.

По косогору наперерез спустились двое на конях, оба в хороших доспехах, разом подняли мечи над головами. Убегающий начал придерживать коня, оглянулся, затем вытащил меч из ножен и бросился на обоих.

– В рубашке, – сказал Гатер с сочувствием. – Порубят...

Всадник вступил в схватку с двумя умело, но когда из-за гребня выметнулись еще трое, моментально развернул коня и ринулся прочь. Граф Гатер досадливо крикнул: впереди на пути убегающего выехали еще четверо и встали неподвижно, перегородив дорогу.

Всадник начал придерживать коня, оглянулся, за ним неспешно скачут трое, слева и справа слишком крутой косогор, пришпорил коня и во весь опор ринулся вперед. Двое приняли удар, но очень неудачно, один сразу свалился с коня, пропустил коварный удар в голову, третий защищался отчаянно, но тоже попался на ложный замах и рухнул лицом на конскую гриву.

Одиночку догнали, когда он уже растолкал своим жеребцом чужих коней и пытался мчаться дальше. Но у преследователей, судя по всему, лошади свежее, окружили, он на какое-то время исчез в сверкании мечей, потом мы увидели, как из схватки выметнулся его конь с пустым седлом, глаза обезумевшие, пена на губах...

Граф вскричал:

– Он еще бьется!.. Клянусь всеми святыми!

– Похоже, – ответил я. – Молодец.

– Надо помочь!

– А если это преступник? – поинтересовался я резонно.

Граф, не дожидаясь моего разрешения, пришпорил коня и с поднятым мечом ринулся в сторону схватки. Остальные рыцари тоже нимало не сомневались в моем решении, как же, всегда надо бросаться на помощь, если один против многих.

Бобик посмотрел на них, на меня, вздохнул и остался. Я ругнулся тихонько и поехал за остальными. Нападающие оглянулись, кто-то закричал предостерегающе, пару мгновений смотрели, оценивая ситуацию и соотношение сил, затем моментально рассыпались в стороны. Граф Гатер не успел огреть никого даже рукоятью, все повернули коней и умчались по дороге обратно.

С земли поднялся осыпанный пылью молодой воин с мечом в руке и рассеченной в двух местах рубашке. Темные волосы растрепаны, взгляд живой, быстрый, с хитринкой, все еще не успел ощутить страха, хотя двух, похоже, наверняка убил или тяжело ранил.

С двумя сражался, а от толпы удрал, молодец, для бегства тоже нужна храбрость, хоть и другого рода.

– Кто таков? – спросил я.

Он коротко и без подобострастия поклонился, глядя снизу вверх.

– Людвиг Фонтане, – представился он. – Младший и не совсем путевый сын благородного лорда Иоганна Фонтане. Путешествую по глубоко личным делам.

– Кто люди, – спросил я, – напавшие на вас?

Он развел руками.

– Думаю, обычные разбойники, ваша... светлость.

Я нахмурился, что-то слишком быстро соображает и светлостью назвал, а не милостью, хотя светлостей не так много во всем королевстве, и насчет разбойников явно соврал, у разбойников не бывает таких великолепных коней и прекрасных доспехов, изготовленных явно в одной оружейной и одним мастером.

– Ладно, – произнес я нейтрально, – думаю, дальше сможешь по своим личным делам путешествовать чуть свободнее.

Он спросил живо:

– Ваша светлость, а могу я просить вашего позволения проехать с вашим отрядом хотя бы до Ранкевуда?

Я поинтересовался:

– А что это?

Он чуть улыбнулся, поймав на том, что я не знаю каких-то простейших вещей, за него быстро ответил граф Гатер:

– Это небольшое селение впереди, там развилка дорог.

– И далеко отсюда? – спросил я.

– Не больше десятка миль, – доложил граф.

Незнакомец, назвавшийся Фонтане, смотрел на меня в ожидании ответа. Я поколебался, что-то во мне протестует насчет присутствия посторонних, пусть даже на десяток миль, но рыцари, похоже, на его стороне, и я отмахнулся.

– Хорошо. Но только до Ранкевуда.

Фонтане спросил быстро:

– А от Ранкевуда в какую сторону?

– В другую, – ответил я. – Ты в одну, а мы в другую.

Он видел мое лицо, но все-таки собрался с наглостью и спросил:

– А если нам по дороге?

– Поедешь в другую сторону, – отрезал я. – И это не обсуждается.

Он все понял, хорошо чувствует интонации, поклонился и поспешно отступил. Один из слуг поймал его коня и привел к нам. Фонтане вскочил в седло, быстрый и очень подвижный, белозубый и улыбающийся, симпатии завоевывает быстро, но уж слишком быстро и нагло пользуется всеми приемами «как понравиться», меня не проведешь, сам такой, конкурентов не люблю, но десять миль как-то уж потерплю...

Мы почти доехали до этого самого Ранкевуда, уже видели его, когда наперерез к нам двинулось то самое желтое облако, что шло по следам беглеца, но теперь там грозно сверкают металлом искры.

Граф Гатер сказал с великим удовлетворением:

– Ну вот наконец-то! А то мы заждались.

Из желтого облака вычленились скачущие всадники в рыцарских доспехах. Кони покрыты цветными попонами, сейчас уже посеревшими от пыли, впереди один со штандартом, другой с баннером, а следом рослый рыцарь в блестящем шлеме, забрало поднято, но лицо суровое и грозное, не предвещающее ничего хорошего.

На мой взгляд, всадников у них вдвое больше, чем нас, граф Гатер сразу же приободрился и громко заговорил с лордом Морганом Гриммельсдэном о том, как мы сейчас всех вобьем в землю по ноздри, отберем коней, а с них сдерем такой выкуп, что останутся на всю жизнь голыми...

Мы остановили коней и ждали, там тоже остановились, выстраиваясь в линию. К нам выехал тот самый рослый рыцарь в полных доспехах, забрало по-прежнему поднято, окинул нас рыбьим взглядом и произнес с холодной учтивостью:

– Вы во владениях его светлости герцога Фридриха Вильгельма Йозефа Хеббеля. Мы забираем вашего спутника Людвиг Фонтане, а вас я... отпускаю.

Меня покорило, что меня, видите ли, отпускают, а могли бы, наверное, высечь или вымазать смолой, поинтересовался подчеркнуто мирно:

– Благородный сэръ, не услышал вашего имени...

– Густав Фрейтаг, – назвался он неохотно, но с достоинством, – барон Фрейтаг из Хеймгерии.

– Барон Фрейтаг, – сказал я, – могу я поинтересоваться, почему вы вот так берете и забираете одного из людей моего отряда?

– По приказу своего сюзерена, – ответил он надменно, – его светлости герцога Хеббеля.

– Могу я поинтересоваться, – спросил я, – почему вы его забираете?

Он холодно усмехнулся:

– Можете. Но я вряд ли изволю ответить.

Я обернулся, отыскал взглядом этого злосчастного Людвиг Фонтане. Бледен, но улыбается через силу, глаза сверкают дерзостью, вид злой, будет драться до последнего.

– Сэръ Людвиг, – сказал я подчеркнуто почтительно, – вы хотите отправиться с этими людьми?

Он через силу улыбнулся.

– Нет. Если это угодно будет вашей светлости, я предпочел бы остаться под вашим покровительством.

Я повернулся и взглянул на барона Фрейтага:

– Вы слышали?

Барон выпрямился в седле и произнес ледяным голосом:

– Его мнение ничего не значит.

– Согласен с вами, – ответил я любезно. – Но смею напомнить, что кое-что значит мое.

Глава 8

Он дернулся, быстро и цепко окинул меня взглядом. Понимает, задета моя честь, я не могу отдать никого, кто находится под моим покровительством, без уважительных и для меня причин, однако же он на своей земле, к тому же выполняет прямой приказ своего герцога...

– Вы делаете серьезную ошибку, – произнес он жестко.

– Увидим чуть позже, – ответил я, – кто сделал ошибку.

Он замер от такой дерзости, оглянулся на своих, снова посмотрел на меня.

– Да вы понимаете... с кем говорите? Или не умеете считать?.. Вы видите, сколько нас?

– Я предпочел бы больше, – ответил я раздраженным голосом. – Мне приходилось разгонять и побольше всякого сброда! В одиночку. Моим орлам даже мечи не придется вынимать... Для вас, барон, судя по вашим манерам, достаточно будет плети.

Он начал багроветь, рука опустилась на рукоять меча. Граф Гатер, который следил за каждым его движением, вскричал ликующе:

– К бою!

Рыцари разом опустили копья, послышался металлический стук опускаемых забрал. Бобик зашел от меня с другой стороны и всмотрелся в барона Фрейтага. Тот бросил на него короткий взгляд, щеки чуть окрасились бледностью. Взгляд оставался полон решимости, но конь под ним мелко затрясся, захрипел, на губах начала расти пена, а ноги сами собой заставили тело попятиться.

За спиной барона Фрейтага рыцари продолжали выстраиваться в ряд. Копий у них не оказалось, что значит, передний ряд либо будет сбит на землю под копыта наших коней, либо погибнет в седлах, однако никто не дрогнул, вся вытащили мечи и вскинули над головами. Грозно и красиво заблестала обнаженная сталь.

Гатер повернулся всем корпусом ко мне.

– Ваша светлость! – вскричал он нетерпеливо. – Дайте приказ!

Я медлил, рука Фрейтага только поднялась к забралу, пальцы коснулись решетки и замерли. Он уставился на меня снова. Глаза сузились, похоже, на этот раз уловил насчет моей светлости.

– А кто вы?

– Я тот, – ответил я резко и уже со злостью, – кто задаст вам трепку и научит, как себя вести.

Он сказал быстро:

– Если вы герцог... то вы должны быть тем самым...

– ...который убил Хорнелдона, – закончил я жестко. – Это вы хотели сказать, барон?

Он быстро кивнул, снова посмотрел на Адского Пса.

– Да, ваша светлость. Но если вы тот, то вы должны поддерживать законность, а не нарушать ее!

– Это вы нарушаете, – объяснил я строго. – Этот человек волей случая оказался под моей защитой. Да вы, судя по тому, с какой стороны приехали, знаете, как он оказался у нас... Вон за вашей спиной те, кто уже убежал от него... и от нас. В общем, он под моей защитой. И теперь я отвечаю за него. И не могу отдать просто так без всякого разбора его вины.

Он покосился на своих людей, там начались сдержанные разговоры, сказал с великой неохотой:

– Его светлость герцог велел схватить его и повесить. За тяжкое личное оскорбление.

Я покосился на Фонтане, тот ответил широкой улыбкой, но в руке уже держит обнаженный меч. Мои рыцари тоже заговорили, задвигались, к Фонтане обращались с вопросами, однако он молчал и только кивком указывал на барона Фрейтага.

– Схватить и повесить, – повторил я с удовольствием. – Наверное, за дело... И, видимо, очень тяжкое преступление? Все-таки он благородного сословия. Чтобы повесить дворянина, нужно, чтобы уж очень особое...

Я замолчал и смотрел на барона с понятным вопросом в глазах. Тот стиснул челюсти, говорить очень не хочется, но понятно уже, что по простому требованию не выдам даже преступника, случайно вползшего под мою защиту. Все формальности должны быть соблюдены, иначе урон моей чести лорда.

Он проговорил вынужденно и сквозь зубы:

– Он был близок ко двору его светлости. Он пользовался полным доверием! И чем отплатил?..

– Чем? – спросил я с интересом.

– Он обесчестил дочь герцога! – выпалил барон яростно. – Обесчестил и скрылся!..

Кто-то из моих рыцарей, что помоложе, заулыбались, их тут же одернули старшие, дескать, сейчас они такие, но скоро у них самих будут дочери, а как тогда будут себя чувствовать, пошло перешептывание, затем снова обратили взгляды в нашу сторону.

Я проговорил в раздумчивости:

– Обесчестил?.. Это недопустимо.

Барон сказал зло:

– Так в чем же дело?

– Обесчестить, – сказал я, – великое зло и преступление, которое должно быть беспощадно наказано перед людьми и лицом Господа. Однако должен быть суд, справедливый и... жестокий. Однако, как я понял, его ловят по личному приказу герцога...

Барон подтвердил с вызовом:

– По приказу его светлости герцога...

– ...Фридриха Вильгельма Йозефа Хеббеля, – договорил я. – Знаю-знаю, у меня хорошая память. На все. Как на доброе, так и не очень. Но приказ герцога – это не суд.

Барон процедил:

– Что вы хотите сказать?

– Вы не поняли?

– Нет...

– Недопустимо, – сказал я, – использовать административный ресурс в личных целях! Мы не дикари вроде Эллады или Трои, где начинали войны из-за баб-с.

Краем глаза уловил, как вытянулось в недоумении лицо графа Гатера, как дико посмотрел барон Уроншид, поморщился Морган Гриммельсдэн, как вообще переглянулись рыцари. У всех на лицах вопрос: а из-за чего же тогда вообще воевать?

Барон Фрейтаг спросил с напряжением в голосе:

– Что вы этим хотите сказать, ваша светлость?

Я сказал примирительно:

– Дело в том, что повесить... гм... это необратимо. Мне кажется, у вас и какой-то личный интерес к этому делу. Я не прав?

Барон Фрейтаг вспыхнул, снова бросил ладонь на рукоять меча. Глаза вспыхнули яростью.

– Это не имеет значения! Герцог велел повесить!

Я слегка поклонился.

– Ничего не имею против распоряжений герцога. Говоря по правде, мне этот ваш беглец тоже не очень нравится. Но сейчас он, увы, под моим покровительством. И потому я предпочту, чтобы герцог лично...

Барон вскрикнул:

– Что?.. Герцог никогда не унижится...

Я сказал резко и громко:

– До чего? До разговора с другим герцогом?.. Барон, вы понимаете, что вы сказали?.. Кем вы меня назвали, повторите громче!

Он побледнел, рыцари за его спиной зароптали, я чувствовал, что сыграл верно, подловил гада, а мои рыцари, чистые души, заговорили громко и гневно.

Барон сказал уже тише:

– Герцог всегда был доволен моей службой. И все, что я делаю, находило одобрение его светлости.

– Не сомневаюсь, – ответил я, и он с облегчением перевел дух. – Но в данном случае предпочту услышать подтверждение от самого герцога. Потому что, если этого повесят, а надо было, скажем... всего лишь отрубить голову, то совершенного не исправить, и страшная юридическая ошибка будет довлеть над совестью его светлости, а вассалы по всему герцогству будут говорить о величайшем промахе сюзерена, которому нет оправдания.

Граф Гатер смотрел горящими глазами то на меня, то на отряд Фрейтага. Седло под ним непрерывно скрипит, а меч то покидает ножны до половины, то заползает в ножны снова. Он уже потерял нить юридических хитросплетений, для него все слишком сложно, просто смотрит с надеждой и ждет, когда я велю броситься в атаку.

Другие рыцари тоже готовы в бой, я перехватывал непонимающие взгляды.

Барон Фрейтаг дергался, менялся в лице, в глазах откровенная ненависть, наконец прохрипел так, словно грыз кость:

– Тогда вы должны ехать с нами.

Я удивился:

– Зачем?

– В крепости его светлости, – пояснил он, я уловил в его голосе скрытое злорадство, – вам окажут достойный прием. И герцог лично огласит приговор.

Я повернулся к графу Гатеру:

– Нам по пути?

Он помотал головой:

– Нет. Но проедем совсем близко.

Я кивнул, повернулся к барону Фрейтагу:

– Сделаем так. Пошлите гонца, чтобы герцог выехал навстречу. Там, на развилке дорог, он и подтвердит, что должен повесить и почему я должен передать ему этого... человека.

Барон Фрейтаг напрягся, лицо окаменело, а голос прозвучал резко:

– Герцог ничего не делает по чужому требованию!

– Это не требование, – сказал я громко, чтобы обязательно услышали его люди. – Это мудрое решение, устраивающее обе стороны. Мы все равно поедем дальше, потеряем какое-то количество наших рыцарей и, перебив всех ваших... Но стоит ли из-за этого спорного человека губить доблестных рыцарей? Не лучше ли вашим и нашим пасть за более достойную красивой гибели цель?

Наступило тяжелое продолжительное молчание, послышался скрип арбалетной тетивы, кто-то из людей барона Уроншида решил подтянуть еще туже.

Барон Фрейтаг наконец крикнул громко, не поворачивая головы:

– Сэр Отто!

За спинами его рыцарей откликнулся молодой голос:

– Слушаю, ваша милость!

– Отправляйся в замок, – велел барон злым голосом, – перескажи герцогу все, что видел и слышал. Пусть решит, как поступить.

– Будет сделано, ваша милость!

– Пошел! – рявкнул барон.

От их отряда отделился всадник в легкой кольчуге и на быстром коне, не отягощенном ни броней, ни даже покрывающей морду и круп попоной. Я узнал одного из тех, что так неудачно преследовали этого Фонтане.

– Ну вот и хорошо, – произнес я с удовлетворением. – Вы приняли мудрое решение, дорогой барон.

Он едва не скрежетал зубами, но вежливо поклонился, что этикет с нами делает, произнес церемонно:

– Рад, что вы одобрили. Мы поедem за вами.

– Очень разумно, – одобрил я. – Только не слишком близко. Вы же понимаете...

Он снова ответил с легким поклоном:

– Да-да, все будет соблюдено.

Я махнул своим и первым повернул коня в сторону дороги. Граф Гатер догнал, пустил своего красавца рядом и заговорил горячим шепотом:

– Я понял, я понял, зачем вы это сделали!

– Зачем? – осведомился я с любезной улыбкой.

Он сказал ликующе:

– Вы же сами проговорились, что их для нас слишком мало!.. А герцог наверняка выведет на перехват все свои силы!.. Вот будет жаркая сеча! Вот когда мы покроем себя неувядающей славой!

Я подумал, кивнул.

– Из вас получится прекрасный стратег, граф. Вы умеете заглядывать далеко и видеть скрытое. Я просто уверен, что в Гандерсгейме ваш талант военачальника проявится и распустится пышным цветом.

Он расцвел так, словно уже завоевал весь Гандерсгейм, раздвинул плечи. Я осторожно оглянулся – раз незаметно не получится, слишком много глаз не отводят от меня взглядов, то хотя бы понебрежнее.

Отряд барона Фрейтага держится на достаточной дистанции. Даже больше, чем достаточной. Думаю, в этом нелегком случае он вообще-то был бы рад в глубине души, пусть сам не признается даже себе, чтобы мы оторвались от них и вообще исчезли.

Фонтане покачивается в седле горделивый, его окружили молодые рыцари и расспрашивают с жадным интересом. Я ощутил укол то ли ревности, то ли зависти, черт бы побрал этого мутителя спокойствия, нам только добавочных неприятностей не хватает, а этот гад цветет, разглагольствует, размахивает руками, а слушают его с огромным удовольствием.

Отдам, сказал я себе твердо. Как только герцог Хеббель выедет навстречу, а он, надеюсь, все же выедет. Если останется в крепости, это многими может быть расценено как недоброжелательный жест в отношении меня, нового герцога Вельденского с владениями в Дасселе, замком Альтенбаумбург, а также землями Маркграфлерланда и Монферратскими!

Не знаю, велики ли владения, не до того пока, но этот Хеббель, как мне кажется, должен считаться с новой расстановкой сил. А он, судя по взрослой дочери, которую этот гад обеспечил, человек достаточно зрелый. Со зрелостью возраста приходит если не мудрость, то хотя бы осторожность.

Десяток миль, обещанный Гатером, превратился в два, если не три. Я запоздало вспомнил, что в Вестготии из-за частой смены дорог расстояния считают обычно по прямой, как ворона летит.

Нежное и по-южному страстное небо затуманивается жаром полдня, когда разум отступает, а верх берут страсти. Мы проехали мимо заброшенного старого города из древнего камня, на самой окраине под одинокой пальмой стоит, опустив голову, печальный ослик, а у колодца плещется в корыте с мутной водой ребенок.

Рыцари оживились, но из-за руин вышла с охапкой хвороста такая уродливая, хоть и молодая женщина, что все разочарованно отвернулись.

А я смотрел, как далеко впереди в пыльном облаке грозно заблестали короткие злые искры. Гатер тоже вгляделся, возбужденно ударил кулаком по луке седла.

– Вы были правы, ваша светлость!.. Они выслали большой отряд!.. Вот теперь-то мы им покажем...

– Все точно, – согласился я. – Будет жаркий и красивый бой, где все увенчают себя бессмертной славой.

Он оглянулся, крикнул с торжеством:

– Будем готовы!.. Встретим и угостим на славу, пусть кровавый пир запомнится потомкам!

Рыцари заговорили возбужденно, послышался лязг металла. Я сказал с подчеркнутой озабоченностью:

– Только бы этот герцог не выехал навстречу. Все испортит.

Он охнул:

– Ваша светлость! Да зачем ему выезжать, если может выслать вдесятеро больше людей?

– Чтобы полюбоваться на свою победу, – объяснил я.

– А-а-а, – воскликнул он, – тогда да, конечно. Но мы ему испортим удовольствие. Победа должна быть красивой! А красиво, когда десять против ста, а не сто против десятка.

– Точно испортим, – согласился я.

Мы шли на рысях, затем я дал сигнал пустить коней шагом, впереди пыль медленно опускается, у развилки дорог блещет металлом большой отряд рыцарей под пышным штандартом с висячими хвостами. Еще больше, целое войско, застыло в ожидании на пару сот ярдов дальше.

Я отметил, что герцог остановил свой отряд на дороге из своей крепости, а не на самом перекрестке, что означало бы загородить нам дорогу.

Хороший знак, который вообще-то не значит, что разойдемся без кровопролития, но все-таки переговоры – мой конек, мне даже себя иногда удается уболтать.

Граф тяжело и часто дышит, пальцы вцепились в рукоять меча. Я сказал негромко и с укором:

– Граф! Нужно подождать, когда теоретические споры постепенно и по единому консенсусу сторон перейдут в практическую драку. Нужно, чтобы все было красиво и законно, не так ли? Я мог бы провести переговоры с глазу на глаз, но предпочитаю, чтобы все видели: мы за справедливость, честь и достоинство рыцарского сословия, а герцог – за бесчестие, недостойнство и растреление!

Граф сказал обалдело:

– Ага, ну да, тогда, конечно... Победа должна быть красивой.

Я медленно пустил коня вперед. Один из всадников точно так же тронул коня и отъехал от своих людей на три конских корпуса. Немолодой, все верно, даже очень немолодой. Похоже, дочерью обзавелся уже в преклонном возрасте. Хорошо и плохо для меня, с одной стороны, будет рассудительным и осторожным, с другой – разъярится за осквернение его единственного сокровища.

Я всматривался очень внимательно, среднего роста, грузный, с короткой бородкой и аккуратно подстриженными усами, глаза смотрят прямо, взгляд я бы назвал умным и пронзительным, но только взгляд, а не самого лорда, слишком много в лице неприкрытой злости, а лорды такого уровня, знаю по себе, должны уметь скрывать чувства.

Глава 9

Рядом с герцогом на затейливо украшенном коне скромно держится высокий красивый юноша, лицо чистое, без украшающих мужчину шрамов, даже нос не перебит ни разу. Губы полные, почти детские, и вообще выглядит больше менестрелем, слагающим свои песни, чем военачальником, а это явно командующий гарнизоном герцога, только военачальник такого ранга имеет право ехать в подобных случаях справа.

За моей спиной граф Гатер громко отдает приказания, рыцари перестраиваются, звенят оружием. Я коротко оглянулся, барон Фрейтаг тоже размахивает руками и готовит свой отряд для короткой и яростной схватки.

Должны уметь скрывать свои чувства, повторил я себе. Потому что такие вот, как этот барон, ловят на лету желания господина и спешат их выполнить даже до того, как господин изволит вымолвить вслух.

Остановив Зайчика за полкорпуса от коня герцога, я произнес со всевозможной любезностью:

– Дорогой герцог, я счастлив познакомиться с вами! Все-таки соседи, наши владения в одном королевстве! И не так уж и далеко границы наших земель друг от друга.

Он слушал внимательно, уловил и едва заметный намек на то, что соседи могут не только мирно уживаться, но еще чаще воюют, а ему, похоже, воевать в таком возрасте уже как-то не совсем. Тем более что я могу быть очень опасным противником, если в самом деле тот самый, убивший неуязвимого Хорнельдона.

– Дорогой герцог, – ответил он ровным голосом, но я все равно уловил в нем кипящую ярость, – я понимаю ваши чувства защитника своих людей. Однако этот человек тяжело оскорбил меня и всю мою семью. И он не ваш человек.

– Вы правы, – ответил я. – Но в данном случае мой. На короткий промежуток времени.

Герцог поинтересовался медленно:

– На какой?

Я ответил без особой охоты:

– Мы разрешили ему ехать с нами до этого перекрестка.

– Прекрасно!.. Вы все выполнили. Теперь он наш!

– Не совсем, – ответил я. – Формально да, можем его выдать. Но значит, обречь сразу же на виселицу, а это не совсем гуманно, хотя гуманист из меня неважный, но важно быть или хотя бы казаться гуманистом, когда мы политики. Не так ли?.. Простите, герцог, но вы слишком кипите гневом. А это значит, можете допустить судебную ошибку. Для крестьянина это пустяки, но для человека нашего ранга... гм...

Он выпрямился, лицо налилось гневом.

– Вы отказываетесь выдать преступника?

Я видел, что вот сейчас он велит своему отряду атаковать нас, будет жестокая сеча, я сказал с подчеркнутым удивлением:

– Что вы, герцог! Вовсе нет.

– А что?

– Предлагаю, – сказал я, – судить его прямо здесь. Разве вам мешает и мое слово поддержки перед общественным мнением лордов? Если и я, посторонний, скажу, что этот человек заслуживает виселицу, то уж точно никто не скажет, что вы осудили на смерть человека из личной мести!

Рыцари за спиной герцога шевелятся, переговариваются. Я видел по их лицам, что меня понимают и поддерживают. Не ради какой-то там справедливости, а просто интересно, как герцог принимает решения, когда не все по его воле.

– Хорошо, – процедил герцог сквозь зубы, – да увидят все, что мои решения справедливы!..

– Сэр Фонтане, – сказал я громко, – предстаньте перед судом! В смысле, вот здесь, между нами и герцогом.

Не оглядываясь, я чувствовал, как в рядах моих рыцарей пошло шевеление. Мимо меня проехал и остановил коня между нами на равном расстоянии Фонтане, подчеркнуто спокойный, прямой, на лице уже нет веселья, но нет и страха.

– У нас идиотом может назвать каждый, – объяснил я, – а вот преступником – только суд! Мы здесь остановились затем, чтобы выслушать ваши...

– Признания, – сказал герцог.

– Объяснения, – уточнил я. – А лучше, показания. Решение, принятое нами с герцогом, будет окончательное и не подлежащее никакой апелляции.

Фонтане поинтересовался:

– Что такое апелляция?

– Апелляция, – объяснил я, – когда просите один суд проявить неуважение к другому суду. Но мы с герцогом преисполнены уважения как друг к другу, так и к другим благородным лордам королевства, так что, вы понимаете прекрасно, если не дадите нам ясных и понятных объяснений, что там у вас случилось, виселицы на этот раз не избежать. И апеллировать будет не к кому.

Герцог уловил раздражение в моем голосе, улыбка чуть-чуть проступила на его худом лице и тут же пропала. Его военачальник почему-то старается не смотреть на Фонтане, как и тот не смотрит на герцожью правую руку.

За моей спиной граф Гатер сказал тихохонько барону Уроншиду:

– Видите, сэр Гедвиг, как надо? По-культурному. Что не так – сразу в суд! А у нас сразу в морду.

– Дикое у нас места, – ответил барон печально. – Ничего, наш сэр Ричард уже продвигает культуру в рыцарские массы.

Фонтане выпрямился в седле, все насторожились, он вздохнул и ответил дерзко:

– Вообще-то мне сказать нечего.

Герцог произнес обрекающим голосом:

– Признаешь ли ты, что соблазнил мою дочь?

Все замерли в ожидании ответа. Фонтане подумал, бросил взгляд исподлобья, тяжело вздохнул.

– Увы.

– Что «увы»? – потребовал герцог люто.

– Ваша дочь слишком... красива. Я не устоял.

– Соблазнил? – повторил герцог с нажимом.

Фонтане прямо посмотрел ему в глаза.

– Зачем такое слово? А если это любовь?

Герцог вскипел так, что, если бы его не ухватили за руки, ринулся бы с мечом на этого ухмыляющегося наглеца.

– Любовь? Какая может быть любовь к такому ничтожеству?

Фонтане ответил дерзко:

– Любовь не знает меры, границ, сословий. Перед любовью, как перед Господом, все равны.

Герцог, кипя гневом, повернулся ко мне.

– Теперь вы видите?

Я поинтересовался:

– А откуда стало известно, что он соблазнил? Может быть, это только слухи? Сплетни?

Он вскипел:

– У нее живот подпер подбородок!.. Через две недели родит!

– Простите, – сказал я обалдело, – не думал, что так серьезно. Это да, это понятно... Тогда, может быть, заставить его жениться? Все-таки знатного рода, отваги и удали не занимать... Мне он лично не очень нравится, но тем более мои слова заслуживают того, чтобы их принять во внимание... Сэр Фонтане отважно дрался против ваших людей, двух сбил на землю, тяжело ранив или убив, а когда на него бросился большой отряд, благоразумно отступил. Это говорит, что есть не только отвага молодости, но и расчет, что пригодится потом, когда станет командовать большими массами войск.

Герцог нахмурился, военачальник наклонился к нему и что-то настойчиво втолковывал.

– Вряд ли этот человек, – сказал герцог гневно, – способен на семейную жизнь!

Я сказал быстро:

– А что такое семейная? Герой, который проводит полжизни в седле, защищая границы, разве живет ею, навещая жену изредка и всякий раз зачиная детей?.. Для герцога, думаю, такие люди даже полезнее, чем домоседы.

Он морщился, слушая нашептывания военачальника, наконец вперил в Фонтане гневный взор:

– Спрашиваю со всей строгостью, готов ли ты жениться на моей дочери и покрыть ее позор законным церковным браком?

Я видел, как Фонтане заколебался, как дернулся и побледнел воин с повадками военачальника, как вытянули шеи рыцари их отряда. Герцог смотрел требовательно.

За моей спиной донесся шепот графа Гатера:

– Даже если она уродина, лучше жениться, чем висеть в петле!

– Вряд ли уродина, – предположил барон. – Скорее всего, вовсе нет...

– Почему так думаете?

– Чего бы он к ней лазил тайком, рискуя головой?

Логично, подумал я. Что-то здесь не так...

Герцог медленно бледнел, в глазах вспыхнул опасный огонь, он прокричал:

– Взять его! И повесить здесь же на дереве!

Несколько человек подбежали к Фонтане, сдержали с коня и, связав руки, потащили к дереву. Один ловко взобрался по стволу на крепкую ветку, быстро и умело закрепил конец веревки, а другой, с петлей на конце, спустил вниз.

Фонтане со связанными руками снова усадили на коня, один из всадников начал надевать ему петлю на шею, Фонтане воскликнул:

– Господи, прими мою душу!

Герцог крикнул страшным голосом:

– Она отправится прямо в ад!

Военачальник вдруг толкнул коня коленями, в два конских скака оказался возле Фонтане. Никто не успел пошевелиться, как он сорвал петлю с шеи Фонтане.

– Спасибо тебе, – прокричал он срывающимся голосом, в котором все услышали сдерживаемые слезы, – спасибо, преданный друг, за верность!.. Но я не смогу жить, если ты пострадаешь по моей вине... Ваша светлость, это не он виноват, а я!

Герцог дернулся, лицо перекопилось удивлением, потом гневом.

– Ты?

– Я, – ответил военачальник. – Я люблю вашу дочь, и она... ко мне совсем не равнодушна. Но вы услали меня на границу с лордом Рошером, где оголились наши земли из-за оползней... и мы не могли встречаться. Я этого не мог вынести, через своего друга Фонтане посылая ей весточку, когда смогу тайком вырваться к ней, чтобы никто не узнал, и мы встречались...

Слева от герцога бородатый рыцарь очень важного вида спросил громко:

– Вы хотите сказать, ребенок у благородной леди Глории вовсе не от сэра Фонтане?

– Да, благородный лорд Бальтасар.

– Он ваш?

– Да, сэр Бальтасар, – ответил военачальник. – Сэр Фонтане как старый друг лишь передавал леди Глории записки от меня. Чтоб знала, в какой день и куда прийти на тайное свидание. Встречался он с нею открыто, почему все и подумали на него... Но это моя вина, ваша светлость! Если вам нужно наказать, то меня, а не благородного Фонтане!

Граф Гатер пробормотал громко:

– А эта свинья в самом деле... поступала благородно. Никогда бы не подумал.

– Я тоже, – признался барон Уроншид.

Я помалкивал, мне надо играть всезнающего, но вообще-то я тоже не подумал бы, что этот лихач способен отдать жизнь, только бы не портить карьеру другу.

Герцог приходил в себя от изумления медленно, нижняя челюсть все еще отвисает, наконец повернулся ко мне.

– Доблестный сэр Ричард, – произнес он с достоинством, – я рад, что вы примете хозяйство герцога Хорнелдона в свои руки. И хотя наша встреча произошла при несколько отягчающих моментах, но я рад заверить вас, что восхищен вашей мудростью и дальновидностью. Как вы понимаете, сэру Фонтане виселица не грозит. И, думаю, ему ничего не грозит. А с этими двумя я разберусь дома.

Я почтительно поклонился.

– Ваша светлость...

Он тоже отвесил точно такой же поклон.

– Ваша светлость...

Я повернул коня, за спиной после паузы застучали копыта коней моего отряда. Граф Гатер горестно вздыхал, хитрый герцог увильнул от схватки, а все к ней шло так прямо, так без остановки...

Барон Уроншид начал что-то рассказывать, в это время за спиной послышались крики, я оглянулся, наш отряд во весь опор догоняет Фонтане уже на свежем коне.

Веселый, улыбающийся, он прокричал задорно:

– Так, сейчас начинаются слюнявые выяснения отношений. Терпеть не могу!.. Можно, я с вами?

Граф Гатер буркнул:

– Мы сопровождаем герцога Ричарда в его земли. А вы зачем?

– Ваш герцог, – заявил Фонтане, – человек очень непростой. И тем, что сумел победить неуязвимого Хорнелдона, и что так умело настоял на разборе дела и все вывел на чистую воду... Потому я хотел бы побыть среди вас.

На этот раз он обращался ко мне, хотя и отвечал вроде бы Гатеру. Я вынужденно произнес:

– Сэр Фонтане, вы поступили благородно... и ах-ах как красиво, признаю. Но мне давно уже осточертели «небритые герои», грубые снаружи – добрые внутри. Да, среди стада свиней смотрите неплохо, даже выигрышно, так как внешне от них не отличаетесь, но благородны там глубоко, не то в сердце, не то в душе... Однако у нас, как видите, рыцари и разговаривают вежливо, и чисто выбриты. Так что идите, идите, идите своей дорогой. К действительно благородным вам пока рано.

Его задорная улыбка быстро блекла, граф Гатер сказал рассудительно, но с сомнением:

– Может быть, возьмем? Просто молодой еще... С нами пообщается, шелуха слетит.

Я отмахнулся:

– У нас не исправительное и не воспитательное учреждение. Мы берем уже благородных, не так ли?

– Ну да...

– У нас, – сказал я наставительно, – закрытый элитарный рыцарский клуб. А обтесывают и воспитывают пусть на уровнях ниже.

Фонтане улыбался растерянно, еще не веря, что все поняли, но не оценили его неслыханного благородства. Наши взгляды встретились, я ответил молча, что вообще-то норма для человека высокого происхождения поступать вот так, как он, и никакие пряники за это не полагаются.

Он тяжело перевел дыхание, я кивнул почти дружески, но с намеком на дистанцию. Зайчик подо мной уловил едва заметное движение ног и пошел вперед быстро и уверенно.

Барон Гедвиг Уроншид пронесся галопом вперед к нашему рыцарю с баннером в руках, что-то крикнул, захохотали и заорали походную песню про рыцаря в походе, который оставил дома любимую у окошка. Остальные подхватили суровыми мужскими голосами, при звуках которых меня всегда пробирает дрожь, а на глаза могут навернуться слезы.

Дорога пошла под легкий уклон, что так любят кони, и они мчались легко и весело, сами наслаждаясь быстрой скачкой.

Вскоре увидели вдаль замок из красновато-коричневого камня. Расположился он на склоне большого и длинного холма, потому обращенная к дороге часть значительно больше, на целых три этажа, но, правда, первые два просто высокое основание, на котором и разместился замок, а с тыльной стороны, похоже, окна полуподвальные.

Склон холма зеленый, хорош для пастбищ скота, кое-где торчат одинокие деревья. Я сравнил взглядом размеры, кроны не дотягиваются даже до нижних окон, замок просто великанский, но выстроен умело и пропорционально, с тяжеловесным изяществом, по единому плану.

Дальше часто попадались крохотные деревушки на три-пять домов, все огорожено крепким забором, то ли чтобы овцы не разбежались, то ли защита от лесных зверей.

Воздух свежий, солнышко ясное, ничего впереди опасного, мысли тут же вернулись к идее, что в Сен-Мари связь с королевством Вестготия наладить очень просто. Достаточно морем не приближаться близко к отвесной стене Зуба Сатаны, что, как выяснилось, вовсе не зуб, а ровный пласт земной коры, что несколько выше соседнего. Совсем немного, на милую, не больше. А если больше, то на немного. Просто отплывать из бухты Тараскона и по широкой дуге огибать опасное место, после чего причаливать в ближайшем удобном месте.

А перевозки морем всегда считались самыми дешевыми.

Граф Гатер догнал, веселый и улыбающийся, на шлеме весело трепещет маленький султан, такой же точно, только побольше, укреплен между ушами его коня.

– Как дорога, ваша светлость?

– Превосходно, – ответил я, – послушайте, граф... мне кажется, вчера этот султанчик был на вашем шлеме?

Он чуть смутился, огляделся и понизил голос:

– Вы наблюдательны, ваша светлость. Дело в том, что я очень люблю своего коня. Он такой умный, такой умный! Почти как я. А еще его родословная длиннее моей. Нет-нет, я не бастард какой, у меня одиннадцать поколений благородных предков, исполненных всяческих достоинств, но у моего коника их четырнадцать...

Я протянул:

– Ну, граф... Тогда вы поступили правильно и благородно. И у животных есть права, только мы их бессовестно нарушаем. Но Бог все видит!

Глава 10

Он повеселел, помчался вперед, вскоре я услышал его звучный голос, распеваящий песни. В конце концов, продолжал я тянуть неторопливую государственную мысль, можно сделать и вполне цивилизованный спуск с Края, чтобы попадать в Сен-Мари. Например, вырубить в каменной стене ступеньки, что опускаются под углом. Можно так до самой земли, а можно зигзагом. Все решаемо. Поднимаются же по ступенькам на самые высокие пирамиды даже престарелые, а тут то же самое. Но никто раньше не брался, такую исполинскую работу не в состоянии проделать ни мелкий, ни крупный феодал, силенок и ресурсов не хватит. И король не может, потому что король – всего лишь один из феодалов, которого формально считают главой, но власти на такие проекты не дадут.

Для великих строек необходимы огромные усилия всего народа, а для этого нужно сперва сосредоточить власть в одних руках. А лучше – в одном кулаке. Понятно, чьем.

Солнце нещадно жжет головы и плечи, в небе ни облачка, только в самой синеве неподвижно висит, как приклеенная, мелкая птичка. Я всмотрелся повнимательнее, понятно – обыкновенный жаворонок. Даже песенку его слышно.

Граф Гатер крикнул жизнерадостно:

– Еще гарпия?

– Жаворонок, – ответил я. – Жаворонок не может быть плохой птицей. По установкам.

– Почему?

– Хорошо поет, – объяснил я. – Кто поет хорошо, не может быть злым... человеком.

Он хохотнул.

– Да, похоже... Как вам здесь?

Я проворчал:

– Терпимо, что-то воняет слишком уж... будто сэра Суллинга прячется где-то в кустах.

Он захохотал звучно и сочно, вытянул руку вперед.

– Вон еще ручей!

– Какое счастье, – сказал я искренне.

Только и передышки, когда вот так натыкаемся на ручьи, спешиваемся, поим коней, сами обливаемся с головы до ног. Барон Уроншид и его оруженосец предпочли искупать коней, вымыть их хорошенько, что все им поставили в заслугу.

Я перехватил озабоченный взгляд барона, явно оруженосец успел рассказать, что их тайна для сюзерена не тайна вовсе. Бобик шумно прыгал в воде, пугая коней, ухитрился и здесь поймать достаточно крупную рыбу и совал ее ликующему и одновременно несчастному графу Гатеру.

Потом снова долина, рощи, одно время слева от дороги очень долго шла полуразрушенная каменная стена из массивных блоков. Я вяло поудивлялся, что за сила ее разметала, если эти глыбы размером с большие окованные железом сундуки разбросаны на десятки, а то и сотни шагов. Случилось явно давно, везде проросла жесткая злая трава, хотя земля остается красно-коричневой, словно целиком из спекшейся крови.

Сэр Гатер время от времени пропускал мимо себя весь отряд, вид придиричивый, рыцари поневоле подтягиваются под его взглядом, а он, воодушевив напоминанием, что скоро под знаменем доблестного и ух как воинственного герцога Ричарда будут грабить богатые земли, догонял меня, веселый и бодрый.

Энергия переполняет его, в седле буквально подпрыгивает, но тщательно прилаженное железо на нем сидит, как собственная кожа на крокодиле, не скрипит, не шуршит, не звякает.

– Это еще земли барона Френсиса Аулмера, – объяснил он обстоятельно, – а во-о-он от тех холмов уже владения ваших вассалов. Виконта Ноэля Джонстоуна, как я уже говорил,

чуть дальше владения барона Альфреда Бриджстоуна, графа Дэйва Стерлинга по прозвищу Стекланные Ноги...

– Да-да, – сказал я нетерпеливо, – помню.

– Хотите к ним заглянуть?

– Зачем? – осведомился я.

Он сказал победно:

– Напомнить, что многое в этом мире изменилось!

– Они не знают?

– Возможно, выжидают.

– Чего? Что покойный восстанет?

Он коротко хохотнул.

– Вряд ли настолько наивны. Но пока не поспешили прибыть в Альтенбаумбург и принести вассальную клятву!

Я поморщился, ответил звучно и громко, чтобы услышали все:

– Сено за конем не ходит. Принести мне присягу – не повинность, а честь!.. Давайте, граф, пропустим очередную остановку на отдых. Мне уже не терпится увидеть новые авгиевы конюшни.

Он довольно улыбнулся.

– А как не терпится ввязаться в драку нам...

Поднялась из руин и пошла навстречу уцелевшая стена трехэтажного дома с колоннами на первом этаже. На втором и третьем вообще буйство архитектуры всех форм. А скульптуры и барельефы героев, мифологических животных занимают каждый дюйм. На всех трех этажах слепо зияют окна, на втором и третьем углублены так, что это одновременно и двери, выходящие на балконы, вон даже сохранился свод, все тревожно красиво, словно видишь редкий цветок, выросший на дороге, где промчится конница...

Еще колоннада с широким портиком у темного углубления в горе, вид таков, словно это украшенный вход, но я присмотрелся, там везде сплошной камень, даже трещин не видно.

Дальше странные толстые колонны, вырубленные прямо в толще каменной плиты. Верх этой плиты выглажен до блеска, по ободку бегут, налезая друг на друга, тщательно выполненные барельефы. На самой плите сиротливо высятся семь колонн с неизменным портиком наверху. С той стороны каменной плиты грубо сложенная стена из неровных блоков, совсем другой стиль, другое назначение.

– Что это было? – спросил я.

Сэр Гатер отмахнулся.

– Здесь очень много от прежних хозяев. Но когда мы пришли, их уже не было. Хозяев.

И снова руины, развалины, остатки циклопических сооружений, настолько древних, что почти неотличимы от россыпей диких камней. Дорога равнодушно идет мимо массивной стены, вот остатки ворот, где опорные столбы выполнены в виде массивных лап неизвестного животного с раздвоенными широкими копытами и острыми когтями на бабках.

За стеной старинный дворец, уже без крыши, но я смотрел не на здание, а на исполинское дерево, проросшее прямо через каменные стены, где-то раздвинув, где-то обвалив. Толстые белесые корни невероятной прочности поднимаются до второго этажа, но и по земле не спешат углубляться, а тянутся на сотни ярдов во все стороны, прежде чем отыщут землю, куда занырнуть, как в воду.

Покачиваясь в седле, граф неспешно начал рассказывать, как однажды с далекого горного плато, куда раньше никто не мог подняться, спустилось целое племя конных дикарей. Никто не успел опомниться, как они промчались широкой лавой, оставляя за собой дым пожарищ, сгоревшие села, вырубленные сады и засыпанные колодцы. У немногих успевших спастись

осталось впечатление, что не собираются возвращаться, иначе зачем засыпать колодцы или жечь большие запасы отборного зерна?

– Даже леса старались поджечь по дороге, – объяснил он. – Хотя сами мчались через них. Какие-то самоубийцы!

– Азарт войны? – предположил я.

– Наверное, – сказал он меланхолично. – Никто так не воевал, а они на полном скаку швыряли факелы в соломенные крыши, в деревянные постройки, вообще во все, что могло загореться. А когда все сожгли... поселились на том месте.

– Даже добычу не взяли? – спросил я с интересом.

– Нет, – ответил он с недоумением. – Гордые! Заявили, что не ради добычи пришли. Теперь, дескать, здесь их земля. И никто их отныне согнать не сумеет.

– И что с ними случилось?

Он ответил хладнокровно:

– А ничего. Вон взгляните налево. Видите село?... Даже я не отличу от прежних. Постепенно к новому племени привыкли. Прошло всего два поколения, их воинский дух как ветром выдуло! Землю пахут, скот разводят, охотой иногда промышляют, но редко... Три крепости, правда, выстроили.

– Зачем?

Он пожал плечами.

– Наверное, на всякий случай. Или по инерции. В тех крепостях сейчас пусто, как в заброшенных дуплах, где вороны нагадили. Здесь на редкость мирные земли. А так вообще-то все соседи смотрят друг на друга сквозь прорези опущенных забрал.

Я вздохнул:

– Это везде. Эх, как нужна империя с едиными законами, дорогами, плановой экономикой... Что это вон там за домище?

Граф развернулся в седле в другую сторону. Впереди слева от дороги показался высокий четырехугольный дом из серого камня, давно заброшенный, на крыше зеленеют мелкие деревья, окна-бойницы зияют пустыми провалами, но сам дом-крепость выглядит грозно: шесть этажей, массивное основание без окон и дверей, по бокам наполовину разрушенные башни.

Гатер ответил с сочувствием:

– Если устали, на ночь можем остановиться здесь.

Я всмотрелся в дом, что-то в нем странное, даже нехорошее, будто он точно так же наблюдает за нами, прикидываясь спящим. Священника бы сюда, мелькнула тоскливая мысль. Я же не специалист по экзорцизму и выгонянию на ночь глядя нечистой силы.

– Не выглядит, – заметил я осторожно, – уютным местом.

Он развел руками.

– А что делать? Снаружи заночевать еще опаснее. А в башне все-таки скоротать время намного лучше.

Я поинтересовался с подозрением:

– Лучше чего?

– Лучше, – объяснил он, – чем снаружи.

– Очень опасно?

– Только ночью, – успокоил он. – И лишь на открытом месте. А в эту башню никто не полезет. Говорят, нечисть открытых мест и башни враждует. Мы в ней уже раз десять отсиживались, когда ночь заставала...

Я переспросил:

– То есть нечисть башни принимала вас, как беглецов, и защищала?

Он хмыкнул, лицо стало смущенным.

– Так говорят... А если бы так просто заехали, сама бы сожрала. В опасном мире живем, ваша светлость!

– В очень, – вздохнул я и добавил бодро: – Как здорово, да?

– Нам повезло, – согласился он. – Перебьем всех чудовищ, нашим внукам делать будет нечего!

– Сопьются, – подтвердил я. – Но сейчас идем хорошо. До заката разве не успеем до гостиницы?

– Постоялый двор уже близко, – подтвердил он. – Если не устали...

Я поморщился, он понял и торопливо придержал коня, давая понять, что проверит, как там в арьегарде.

К закату проехали по странной местности, где вдаль я рассмотрел множество крестиков, ветряные мельницы, зачем так много, затем мимо проползла желтая полупустыня, а следом весело промчалась целая роща роскошных финиковых пальм.

Солнце опустилось за горизонт, и начало темнеть, когда вдаль показался и начал приближаться к нам малость обветшалый, но просторный постоялый двор.

Строился с запасом, чтобы не упустить возможных клиентов, но две трети обширного дома пока без постояльцев, видно по закрытым ставням. Во дворе всего две лошади у коновязи и две телеги у сарая, а еще с десятков свиней в загородке хрюкают и усердно копают норы под забор, замышляя хитрый побег на свободу.

Отряхнув пыль, мы расположились на той половине харчевни, которую отводят для благородного сословия. Хозяин даже не стал спрашивать, что нам угодно, взмахом руки послал к нашему столу двух слуг с мясом и овощами.

Граф Гатер крикнул:

– И вина!

– Хорошего, – добавил барон Уроншид.

– Лучшего, – уточнил Морган Гриммельсдэн.

Я сказал наставительно:

– Благородные лорды, лопайте, что дают. Здесь не столица. И вообще представьте, что вы уже на войне.

Граф Гатер проворчал:

– Не могу представить.

– Почему?

– Насиловать некого, – объяснил он и захохотал. – А без этого и победа какая-то не победная.

– Да, – поддакнул лорд Морган. – Это как выиграть турнир и не получить приз!

Барон Уроншид смолчал, я перехватил взгляд, в котором можно прочесть многое, но я сделал каменное лицо, с треском разгрызал кости и стучал, как и все, ими по столу, вышибая мозг.

Джон, который Джоанна, все поглядывает в мою сторону, мнется, взгляд то трусливый, словно я вот-вот выдам их обоим всем на потеху, то молящий, иногда сердитый, это уже вообще ни в одни ворота не лезет, но женщины традиционно обвиняют нас, где бы сами по своей дури ни прищемили пальчик.

Я делал вид, что не замечаю, наконец она выбрала свободную минутку, когда все разбрелись кто куда, тихохонько подошла бочком, как краб, сказала просяще-сердитым голосом:

– Ваша светлость, мне все-таки очень не хочется, чтобы вы обо мне думали непонятно что!

Я пожал плечами.

– Непонятно, что?

– Вот-вот, – сказала она шепотом, но с жаром, – сами говорите, что вам все понятно! А вам как раз непонятно!

– Возможно, – согласился я. – Но я как-то и не собираюсь понимать. Это ваше личное с бароном пространство, я влезать в него не собираюсь, так как это не добавит абсолютно ничего к собираемости налогов, укреплению дисциплины труда и вассальной верности.

Она прошипела рассерженно:

– А вот мне не все равно, что про меня думают! Я с бароном вовсе не для того, чтобы... то, что вы думаете. Я в самом деле владею оружием и могу сразиться...

Я поморщился.

– Ты женщина, дорогой Джон. Может быть, даже леди.

– И что? – спросила она с вызовом.

На языке вертелось привычное «...и этим ты права», но ответил честно:

– Значит, ты должна сидеть дома. Даже не знаю, чем занимаются благородные дамы, кроме сплетен, но... сидят там. А в окна машут платочками. Иногда роняют. Простолюдинки хоть стирают, убирают дом, варят обеды... а ты...

Она прервала жарким шепотом:

– Я знаю, такова судьба женщин! Но мой отец убит, и вся семья погибла. Я одна, кто уцелел. Потому теперь я – глава рода. И на мне лежит о нем забота. Потому буду делать то, что делают мужчины, так как мужчин в моем роду не осталось.

Я проговорил, отводя взгляд:

– Но ты не можешь сесть на коня, взять меч и помчаться мстить врагу! Это время придет нескоро, а басни про амазонок придумали мечтательные мужчины... Если мстить, то мсти поженски.

– Как?

Я в затруднении пожал плечами.

– Откуда я знаю? Нелепо даже такое спрашивать у самца. Сплетнями, намеками, интригами... Давай твою месть разделим на две части. Ты будешь вредить интригами, а я – мечом. При умелом сочетании это даст эффекта больше, чем если бы мы оба понесли вперед с обнаженным оружием.

Она смотрела обрадованно, но в удивлении.

– Мы? Ваша светлость, вы готовы мне помочь? Но что вы возжелаете за помощь?

Я покачал головой:

– Ничего.

Ее глаза сузились, лицо приняло неприятное выражение.

– Так не бывает. Значит, хотите чего-то большего, чем я не смогу поступиться.

Я выставил перед собой ладони.

– Успокойся, успокойся. Скажем так, у герцога Вельденского... это я, слышала?... твердые обязанности поддерживать мир и справедливость в этом отдельно взятом регионе... остальные пока хоть синим пламенем гори. Еще я должен вершить честный суд и карать виновных. Не сомневаюсь, что с твоей семьей поступили несправедливо. Но я сперва должен узнать все детали, чтобы наказание было ровно таким, которое соответствует вине. Ты же сама понимаешь, как это будет несправедливо, если человека, приговоренного к повешению, вдруг казнят усекновением головы?... Или утоплением, когда по нашим гуманным и справедливым законам нужно сжечь на костре?... К тому же сперва надо четко определить, жечь на быстром огне или медленном... Пойми, как герцог я должен быть справедливым и точным в поступках и решениях.

Она сопела рассерженно, я видел по ее лицу, что для нее все просто, мысленно погладил себя по голове: какой же я умница, сложный и многогранный, вижу под разными углами и аспектами, прям как стрекоза какая с ее фасеточным зрением.

– Идите, леди, – велел я милостиво, но твердо, – моя светлость все берет под свой державный контроль. Христос вообще объявил, что лично отомстит за всех, потому никто никому самолично вендетту объявлять не должен.

Она буркнула:

– Как же он отомстит?

Я пожал плечами:

– Не знаю. Как-то по-своему. К примеру, даст много денег, виновный сопьется и помрет от белой горячки. Или утопнет в бочке во время купания. Или захлебнется в блевотине, простите за грубость, как великий вождь укров Аттила... Идите, идите!

Она ушла, хмурая и все еще не убежденная, но женщин пока еще никто в мире не убедил, что вообще-то неважно, мне убеждения их как-то лесом, послушание и выполнение намного важнее.

Глава 11

После ужина все разбрелись по спальным местам, я поднялся в свою каморку, постоял у окна. Далеко в ночи страшно полыхает космато-красным, длинные языки рвутся в небо, исчезают и возникают, а внизу за черными двухмерными скалами, подсвечивая верхушки, нечто дикое трещит, грохочет, сотрясает землю.

Когда мчишься верхом при слепящем солнце, такое не замечаешь, а стук копыт заглушает любой далекий грохот, подземные толчки тоже не ощутить при скачке, но сейчас в ночи страшновато смотреть на пугающе-лиловое небо вокруг жуткого пожара и слушать звуки неумолкающего подземного процесса. Тучи снизу словно поджаренные оладьи, рыхлые, бесформенные, с багровой корочкой, а дым поднимается черный и похожий на злого дракона.

Еще в дороге граф Гатер буднично сообщил, что к таким мелочам привыкли, это как дождь с градом, что прошел мимо. Я наконец лег, закинув одну руку за голову, а другую опустил с кровати и почесывал громадную голову Бобика, что довольно сопел и приподнимал башку, а потом перевернулся на спину и подставил пузо.

Мысли вернулись к тому странному замку, в недрах которого я тогда очутился, сознание начало заволакивать дремой, и вдруг сильный озноб пронизал меня с головы до ног и заледенил сердце...

Вокруг меня недобрая тьма, я снова в том же оскорбительно исполинском зале, где сразу чувствуешь свое ничтожество. Я понимал, что это сон, но слишком отчетливый, и если здесь прищемлю пальчик, после пробуждения обнаружу кровоподтек...

Прямо через каменный пол проросла и застыла в грозном ожидании черная неопрятная трава. Высотой мне до пояса. Жесткие прямые стебли стеклянно позвякивают, соприкасаясь. Идти через такую страшновато, я присмотрелся и понял, что внизу не камень, а нечто трухлявое, полурассыпавшееся и опасное, можно наступить и ухнуть с головой в жуткие бездны.

Из стен, казавшихся незыблемыми, торчат рогатые ветки, с иных свисают космы черной плесени. Помещение показалось древним, заброшенным, рассыпающимся, но я присмотрелся, и стало еще страшнее. Не запустение, здесь так и должно быть, и чем больше паутины, плесени, застарелого мха – тем лучше и естественнее для этого чудовищного мира...

В окно на фоне черной безлунной ночи заглядывает дерево с мучительно и неестественно изогнутыми ветвями, словно в нестерпимой боли, и вообще здесь весь лес похож на стадо гигантских спрутов, что вышли на сушу.

Я двигался медленно, преодолевая незримое сопротивление, словно шел по горло в воде. На меня медленно и грозно напозатает темный провал входа в другой зал, сердце мое замерло, но я заставил непослушные ноги сделать шаг, еще один и оказался в другом зале.

Здесь голый пол, выложенный плитками с геометрическим узором, а в той части, где кресла для сюзерена и его близких, висит чудовищная статуя, упираясь головой в потолок.

Я приблизился и с дрожью рассмотрел, что человеческая у нее только фигура, да и то не очень, морда звериная, вытянутое рыло принадлежит пресмыкающемуся, мелкие глазки упрятаны под мощные выступы костяной брони, но все равно в них видна нечеловеческая хитрость и жестокость.

Послышались голоса, я кое-как отступил, преодолевая незримое сопротивление, и встал за колонну. В зал начали входить по двое в ряд одинаковые люди в таких тяжелых и бесформенных балахонах, что выглядели закутанными в не по росту большие одеяла. Полы касаются каменных плит с узором, а иногда и волочатся, как обвисшие крылья старых летучих мышей. Не определить, кто толстый, кто худой, есть у них оружие или нет, в доспехах или голые. Только и понятно, что ростом превосхожу, а вот все остальное...

Голоса шелестели бесцветные и сухие, как пролежавшие в песке раковины, заброшенные теперь в мешок.

- Мы должны успеть...
- Теперь все... изменилось...
- ...Повелительница торопит...
- Он умрет, как только... в замок...
- Воля Повелительницы нерушима...
- ...ее мечь... страшна...

Они шли и шли, наконец показалась последняя пара. Никто из них ни разу не оглянулся и даже не посмотрел по сторонам. Я вышел из-за колонны и пошел следом, стараясь двигаться как можно тише. Давление ослабело, я перестал при каждом шаге нелепо и беспомощно подвигать в воздухе.

Следующий зал показался знакомым, я уже был здесь в прошлом сне. Вон там грозно и страшно высится черный с ледяными искорками трон, он выглядит еще отвратительнее, чем в прошлый раз, а на сиденье все та же кричаще-пурпурная подушка, шитая золотом, а на ней...

Я нервно глотнул, ноги ослабели еще больше. На подушке корона из странного черного металла, зубцы ажурные, каждый еще из множества зубчиков помельче. Сейчас корона победно горит зловещим черным огнем, громадный рубин, поразивший меня еще в прошлый раз, вспыхнул зловеще-красным огнем и направил убийственный луч в мою сторону.

Я вскрикнул от боли, когда рубиновый шнур уперся в мою грудь, но заставил себя медленно двигаться вперед; но, как часто бывает во сне, когда хочешь бежать, ноги отказываются слушаться, и снова я двигался едва-едва.

Ко мне со всех сторон потянулись руки, я с тоской понимал, что надо ухватить эту корону, но у меня нет сил, я слаб, я сейчас упаду, мне безумно страшно...

Кто-то сбоку жестко цапнул меня за руку и больно сжал. Я вскрикнул и в судорожной попытке спасти шкуру рванулся в другой мир, вынырнул в нем, ощутил боль в руке и услышал злое рычание.

Адский Пес, весь взъерошенный и с горящими безумием пламенными глазами держит меня зубами за кисть руки, рычит, а когда я вскрикнул и дернулся, с неохотой отпустил, но сатанинский огонь в глазах продолжает полыхать безумно и страшно.

- Спасибо, – пролепетал я. – Что за гадость мерещится вторую ночь?

Он ответил глухим рычанием, шерсть очень медленно опускалась, а горящие багровым безумием глаза стали сперва пурпурными, потом погасли вовсе.

Я сел на кровати, сердце барабанит с такой силой, что могут услышать по всему постоялому двору, горячая кровь ломает плотины, бьет в голову с силой кузнечного молота.

- Спи, – велел я, но сам ощутил, что заснуть не удастся. – Спи за двоих, дрыхло.

Прямо от постоялого двора дорога начала пугливо петлять и пробираться между скалами. Слепящее утреннее солнце то бьет в спину, то слепит глаза, и в его блеске далекие горы кажутся призрачными, невесомыми.

Дорога бодро взбежала на перевал и бросилась вниз, однако сэр Гатер остановил коня на вершине, повернулся в седле и ждал нас. Я увидел загадочную улыбку на его лице.

Бобик вынырнул сбоку с уткой в зубах, хотел было сунуть ему в руки, но посмотрел на то, что впереди, и добыча вывалилась из его распахнувшейся в удивлении пасти.

Заинтригованный, я толкнул Зайчика, в мгновение оказались рядом с графом. У меня, как у Бобика, нижняя челюсть пошла к земле.

Дорога красиво и ровно устремляется вниз, там раскинулась роскошная долина в лугах, садах и виноградниках. Из зелени выступает несколько деревенок, а вдали на пологом холме гордо высится город из лилово-розового камня, построенный как будто за один день одним

человеком, у которого в досталь камня, денег, строителей, ресурсов, а еще – умение останавливать время.

Легкий трепет прошел по нервам, я кашлянул и спросил как можно будничнее:

– Это что?

– Это и есть ваш замок, – ответил граф. – Альтенбаумбург!

Я переспросил:

– Замок? Да это город!

Он кивнул:

– Фактически... да. Но в то же время и замок. Просто при нем, как понимаете, должны быть кузница, пекарня, оружейная... словом, все это разрослось. Весьма. Хоть и постепенно.

Я пробормотал:

– Ну, вообще-то так получались все города, но здесь никакой разномастности, все по единому плану! Как это удалось?

Он пожал плечами:

– Никто не знает. Город выстроен очень давно. Очень.

Я пустил Зайчика вниз, граф ехал рядом, все так же готовый отвечать на любые вопросы, но если бы он знал нужные ответы, и я только пробормотал:

– И что, так никто ничего и не пристраивал?

Он усмехнулся.

– Намекаете, что со временем вкусы архитекторов поменялись бы?.. Дело в том, что и сейчас места пока что хватает. Даже есть незаселенные дома. Мало, но еще есть.

– Чудеса, – пробормотал я.

Он гордо улыбнулся.

– Да? Я уже думал, что они только в Гандерсгейме.

И все-таки, хотя город выглядит цельным, дворец герцога все же высится на самой вершине холма и ни с чем ни соприкасается. Одно громадное здание с башенками, шпилями и неизменными зубцами на краю крыши. Отсюда выглядят ажурными, но понятно, за каждым встанет арбалетчик, а в узкие щели между ними будет целиться лучник. А в этом здании свои внутренние дворы, дворики и даже сады.

Башенки по краям совсем тонкие, выглядят декоративными, а та, что в центре, с настоящей смотровой площадкой. Там что-то поблескивает, словно кто-то пускает в нас солнечный зайчик.

– В этот замок входили многие, – сказал граф, – но выходили только мертвые. Я имею в виду непрощенных гостей.

Я переспросил с интересом:

– Все-таки выходили?

Он поморщился.

– Большинство выносили вперед ногами. Но были и такие, которые выходили своими ногами.

– Их участь была намного хуже? – спросил я.

Он кивнул:

– Вы все хватаете на лету, ваша светлость.

Он повелительно повел рукой, вперед помчались двое на самых быстрых конях. Мы ехали обычным шагом и, когда приблизились к воротам, услышали, как по ту сторону стены гремят трубы. Наверху между зубцами появился народ, оттуда поспешно вывешивают длинные красные полотнища до самой земли.

Когда миновали ворота, из всех подсобных строений начал выскакивать народ. Женщины улыбались и махали издали платками, а девушки прижимали к груди цветы.

– Как радуются, – пробормотал граф Гатер с неодобрением. – Неблагодарные...

– А что, – спросил я ревниво, – герцог был великим благодетелем?

– Нет, – ответил он, – но и не притеснял. В бесчинствах гораздо больше замечены его люди.

– Все?

Он покачал головой.

– Мы тоже, если вы это имеете в виду. Весь этот отряд его люди, но рыцарское достоинство не позволяет измываться над простолюдинами. Однако были у него любимчики, ничего не признавали... двух самых отпетых вы отправили на тот свет.

– Сколько еще осталось?

Он поморщился.

– Все мы не ангелы. Это смотря где проводить границу между хорошим и... нехорошим.

– Я все-таки проведу, – пообещал я. – И узаконю. Эта грань будет нерушимой даже для того, кто ее устанавливает. Только так народ поверит и начнет уважать правителя, а не только бояться.

Он поморщился, посмотрел с удивлением.

– Разве недостаточно, когда только бояться?

Я вздохнул.

– К сожалению, это сказывается на производительности труда. А вся наша цивилизация направлена на то, чтобы из работника выжать как можно больше. Когда уважает власть, из него можно веревки вить. И выдавить любые налоги.

Зайчик шел медленно и сурово, уловив по мне, как надо держаться. Я сам смотрел по сторонам надменно и строго. Ко мне большинство сейчас наверняка настроены враждебно, это и понятно, челядь и слуги тоже лояльны хозяину, заранее ненавидят того, что придет на смену. Да еще убийцу их повелителя... Так что махание платочками и бросание цветов под ноги моему коню меня не обманет. С челядью и слугами придется быть настороже. С вассалами получилось удачнее, обещания допустить к захвату богатейших земель, где получают новые владения и множество подданных, действуют всегда безотказно.

Копыта Зайчика звучно бьют по отесанному булыжнику, двор вымощен весь, вечный материал, хорошо, стены высокие, из глыб побольше, тоже надежно и зримо. Народ продолжает выходить из подсобных помещений, из донжона, конюшни, многие все-таки смотрят исподлобья.

Я медленно обвел их всех взглядом еще не хозяина, а захватчика, что не пожалеет и ценных работников, посмевших поклониться недостаточно низко...

...и все они стали опускаться на колени и склонять головы. Я опустил ладонь на рукоять меча. Зайчик шел все так же шагом, я рассматривал всех зло и пристально, пусть так кажется, путь видят, мне бы только узреть хоть одного недостаточно покорного, чтобы смахнуть ему голову.

Нагнав страху, я придержал коня. Бобик встал рядом и поглядывал с интересом на новых людей. Из рыцарей никто не спешивается, ждут.

Я заговорил громко и властно:

– Слушайте все!.. Отныне я, Ричард Длинные Руки, хозяин и властелин этого замка, земель и всех владений бывшего герцога Хорнельдона!.. Он был убит мной во дворце Его Величества за попытку мятежа и государственного переворота, или, говоря проще, захвата королевского трона. Королевство было спасено!.. За это деяние Его Величество Херлуф Сильвервуд милостиво пожаловал меня титулом герцога и дал эти земли во владение!

Я говорил громко и властно, стараясь, чтобы звучало непререкаемо. Мелькнула мысль, что король вроде бы дал мне в управление, а не во владение, но это уже юридические тонкости. Любой феодалчик сразу же, пользуясь отсутствием хороших дорог и связи с

центром, начинает вести себя как хозяин, а не управитель. Эту прозу жизни понимают все: и король, и соседи, и челядь.

Из толпы выдвинулся грузный человек в дорогой одежде, серебряная цепь на груди, такие же брошки у воротника, низко поклонился.

– Ваша светлость... – произнес он звучным бархатистым голосом. – Я Томас Кемпбелл, управляющий делами герцога... покойного герцога Хорнельдона. Смеею надеяться, что смогу служить вам так же достойно, как и предыдущему хозяину.

Он не сказал «верно и преданно», сейчас это звучало бы настораживающее, хотя вообще-то хорошо, когда служат верно и преданно.

Я сделал паузу, давая ему понять, что у меня могут быть и другие кандидатуры, наконец сказал милостиво:

– Я тоже надеюсь на это. Хозяин замка и владений сменился, это верно. Но караван должен идти!.. Работа останавливаться не должна. Так что все за работу!

Я начал слезать с коня, управляющий повернулся к челяди и крикнул громко:

– Все по местам, слышали?.. Шкуры спущу!

Все торопливо разбежались, рыцари вслед за мной тоже начали покидать седла. Граф Гатер бросил повод конюхам и подошел ко мне с улыбкой на лице.

– Очень хорошо сказали, – одобрил он. – Коротко и емко. Ничего лишнего.

– Чем больше слов, – сказал я, – тем больше ошибок.

Он кивнул:

– Вы умеете держать речи.

Я покачал головой:

– Нет, все равно слишком длинно. Нужно говорить еще короче, в истории остаются фразы максимум из семи слов.

Томас Кемпбелл умело подошел сбоку, поклонился и сказал подобострастно:

– Ваша светлость, ваш замок ждет вас! Будьте как дома.

Я напомнил строго:

– Быть повсюду дома могут только короли, девки и воры. А я – герцог! Мне нужно держаться достойно. На меня дети смотрят. Учтите, все вижу, все слышу и все замечаю!

Кемпбелл поклонился снова и так застыл. Гатер хохотнул довольно.

– Короли, девки и воры?

– Пойдемте, – сказал я, – сэр Генрих, покажете замок. Вы знакомы с ним неплохо?

Управляющий, который сам хотел показывать и объяснять, поспешно отступил и сделал вид, что вовсе не собирался напрашиваться в объясняльщики.

С башен и стен сбежали стражники, выстроились в две шеренги. На мой придирчивый взгляд, одеты для простых воинов неплохо: все в кольчугах поверх кафтанов, на головах железные шлемы, но простые, без забрал, у пятерых настоящие стальные кирасы. Широкие кожаные пояса с подвешенными ножнами, оттуда торчат наборные рукояти. Еще все в кожаных штанах и настоящих сапогах, хоть кожу могли бы выделать и получше.

У всех мечи, а вторая шеренга еще и с луками. Я уже привычно сравнил их мысленно с теми, что привозят в мое крестоносное войско из Амальфи и Армландии, остался доволен.

Вперед шагнул крепкий воин в кирасе и добротной кольчуге, по виду битый жизнью ветеран.

– Ваша светлость, – сказал он бодро, – состав гарнизона выстроен и ждет ваших приказаний!

Я сделал паузу – так надо, выгляжу значительнее, – сказал милостиво:

– Пока никаких изменений! Продолжайте... бдить. Благодарю за службу.

Командир повернулся к стражникам.

– Вольно! Все по местам!

Я проследил, как спешно разбежались кто на стену, кто на башни, а кто-то привычно занял место у ворот.

Граф Гатер спросил довольно:

– Ну как?

– Это герцог их держал в такой готовности?

– Нет, герцог больше охотой интересовался. И рыбной ловлей. Марсель Паньоль. Это он вам докладывал. Сам любит службу и другим спуску не дает.

Я пожал плечами.

– Каковы они в бою, еще увидим, но луки у них... гм...

– Что? – спросил он встревоженно.

– Слабоваты, – сообщил я с удовольствием.

Он слушал жадно, а я, разохотившись, выложил ему все, что знал о составных луках, что бьют как минимум в полтора раза дальше, а иногда и вдвое, убойная мощь выше втрое, и вообще пора им в самом деле выходить на простор, а то совсем закиснут в глуши.

Он судорожно вздохнул:

– Да, у нас все рыцарство только и говорит о возможностях, которые вы открыли всему королевству!

– Возможностями надо еще пользоваться, – напомнил я. – Большинство, как вы понимаете, с места не сдвинутся. Им и так хорошо.

– Зато, – сказал он горячо, – кто сдвинется, тот получит невообразимо много!

– Да, – подтвердил я, умолчав про такие пустяки, что кто идет за шерстью, часто возвращается стриженным.

А кто-то и вовсе не возвращается.

Глава 12

Вход в главное здание под стать розовому камню: из светлых пород дерева, с широкими полосами меди и бронзы, с множеством дисков с выпуклыми фигурками львов, драконов и василисков. Даже шляпки гвоздей с затейливыми звездочками.

Двери перед нами распахнули поспешно, я вошел, надменно задирая подбородок, лицо суровое и непроницаемое. Рыцари топали за спиной – я чувствовал облегчение: как безотказно срабатывает обещание богатейшей добычи в Гайдерсгейме! Насчет добычи это я наугад, пока что никаких особых богатств не заметил, но земель там в самом деле хоть анусом ешь, народу тоже как муравьев в хвойном лесу. Здешние безземельные рыцари пойдут за мной на край света, только бы завладеть клочком земли и получить право называться лордом.

Холл просторный, сверху мягкий радостный свет, стены отделаны светлым деревом, множество гобеленов со сценками охоты, пол искусно выложен светло-оранжевой плиткой с затейливыми узорами. Везде царит ощущение чистоты и благополучия, становится понятно, почему герцог не любил покидать замок. Если и дальше хоть вполовину так же хорошо...

Следующий зал то ли для больших приемов, то ли для танцев: роскошные кресла под всеми стенами, а середина пуста, если не считать цветистого ковра, что накрывает все пространство, даже не видно, какой там пол. На стенах роскошные картины, большинство изображает любовные сцены в самом начале, когда только охи, вздохи да томные взгляды.

А герцог был строг, подумал я одобрительно. Хотя, может быть, просто ничего не менял по лени, а этим картинам пара сот лет.

В зале, помимо картин, еще и белокаменные статуи в нишах, я лишь мазнул по ним взглядом, куда интереснее освещение: ни одного окна, только дверь в зал напротив, но светло, как и снаружи, хотя ни одного светильника, ни одной горящей свечи...

В следующем зале вдоль стен на подставках драгоценные вазы размером с кочаны капусты, а то и с тыквы, такие хрупкие с виду, что даже проходить рядом боязно, расписаны тонко и со вкусом, все инкрустированы полудрагоценными камнями.

В этом зале навстречу вышли трое слуг внутренних покоев. Я взглянул сверху и свысока на их склоненные головы, но пока искал, что изволить изречь соответствующее, граф указал на небольшую дверь в стене справа:

– А здесь личные покои герцога... ваши покои, ваша светлость.

Я кивнул:

– Недурно, недурно.

– Изволите взглянуть?

Я подумал, отмахнулся.

– Ерунда, такое в последнюю очередь. Сперва оружейную, состав гарнизона... ах да, их уже моя светлость смотрела, но еще надо проверить в каком состоянии конюшни, кузницы...

Он сказал довольно:

– Я сам все покажу с великим удовольствием!

Я искоса поглядывал на его ликующее лицо. Этого я купил с потрохами. Застоялись у мирного герцога, а сейчас кони сытые бьют копытами, им бы поскорее в седло боевого коня да на острие атаки к изготовившемуся к бою войску противника.

– Кого мне опасаться в замке? – осведомился я. – Не все рады переменам, такое даже эльфам понятно.

Он кивнул, ничуть не удивившись, сказал вполголоса:

– Тех, кто привык сладко спать и сытно есть, не вставая с постели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.